А.М. АЛЕКСЕЕВ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОКАЗАНИЙ ОЧЕВИДЦЕВ

А. М. АЛЕКСЕЕВ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОКАЗАНИЙ ОЧЕВИДЦЕВ

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва — 1972

Алексеев А. М.

А47 Психологические особенности показаний очевидцев, М., «Юрид. лит.», 1973.

104 с.

В работе дано понятие очевидца, освещены особенности формирования его показаний, а также рассмотрено доказательственное значение этих показаний.

Основное внимание в работе уделено психологическим особенностям показаний очевидцев на стадии восприятия происшествия, при запоминании события и воспроизведении его на допросе.

1—10—2 **34С65**

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеев Анатолий Михайлович
«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОКАЗАНИЙ ОЧЕВИДЦЕВ»

Редактор *Е. М. Бирюков*
Обложка художника *Н. И. Лобовой*
Художественный редактор *Э. П. Стулина*
Технический редактор *Н. Л. Федорова*
Корректор *В. А. Зимина*

Сдано в набор 8/VIII 1972 г. Подписано в печать 16/X 1972 г. Бумага типографская № 3, формат 84×108¹/₃₂. Объем: усл. печ. л. 5,46; учет.-изд. л. 5,47. Тираж 12 000 экз. А-06368.

Издательство «Юридическая литература», Москва, К-64, ул. Чкалова, 38—40.

Заказ 4966.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, Типографская, 6.

Цена 33 коп.

ВВЕДЕНИЕ

Построение коммунистического общества в нашей стране обязывает всемерно укреплять социалистические общественные отношения, правопорядок, законность, принимать эффективные меры к предотвращению и раскрытию преступлений.

Ликвидация преступности и порождающих ее причин требует обязательного раскрытия каждого преступления, неотвратимого и справедливого наказания виновных. Решение этой проблемы во многом зависит от качества предварительного и судебного следствия и характера используемых при этом средств.

В процессе расследования преступлений важным источником получения доказательств служат показания свидетелей и потерпевших. Среди них весьма специфичны показания свидетелей и потерпевших — очевидцев.

В криминалистической и процессуальной литературе, среди практических работников распространено мнение, что взаимодействие с добросовестным участником уголовно-процессуальной деятельности более легко осуществимо, чем с участником недобросовестным.

Не отрицая сложности допроса недобросовестного свидетеля, необходимо отметить, что трудности, с которыми встречаются работники следствия и суда при получении и оценке показаний добросовестных свидетелей, могут быть не меньшими, чем при взаимодействии со свидетелем недобросовестным. Однако трудности здесь несколько иного характера. Выдающийся французский математик Эмиль Борель писал: «По тонкому замечанию великого греческого философа, человек, который ошибается, является вдвойне незнающим: он не знает точного ответа и он не знает, что он его не знает. Именно это второе незнание опасно, так как внутренняя уверенность ошибающегося, что он дает правильный

ответ, совершенно такова, как и уверенность того, кто знает и не ошибается»[1].

Заблуждение, ошибка добросовестного участника уголовно-процессуальной деятельности может привести к судебной ошибке так же, как и умышленное искажение фактов участником недобросовестным. Допрашивая недобросовестного участника, следователь или судья могут изменить систему мотивов и установок, определяющих его поведение, и привести тем самым к мысли о необходимости давать правдивые показания.

При допросе добросовестного участника задача убедить его в необходимости давать правдивые показания не стоит. Однако если в процессе формирования его показаний возникла ошибка, о которой само лицо и не подозревает, то сообщенные факты будут объективно мало способствовать установлению истины по делу.

Вместе с тем последствия ошибки добросовестного участника усугубляются тем, что при оценке его показаний именно его добросовестность может склонить чашу весов в пользу признания ошибочного факта истинным. Как справедливо заметил А. Ф. Кони, «своего рода «усушка и утечка» памяти вызывает ее на бессознательное восстановление образующихся пробелов — и таким образом, мало-помалу, в передачу виденного и слышанного прокрадываются вымысел и самообман. Таким образом, внутри почти каждого свидетельского показания есть своего рода язва, отравляющая понемногу весь организм показания, не только против воли, но и без сознания самого свидетеля».

Устранение или сведение к минимуму возможного отрицательного влияния ошибок в показаниях добросовестного участника процессуальной деятельности можно осуществить путем изучения закономерностей и особенностей процесса формирования показаний.

Этой проблеме и посвящается настоящая работа.

Автор выражает свою признательность доктору юридических наук профессору А. Р. Ратинову и кандидатам юридических наук И. К. Шахриманьяну, И. Е. Быховскому и Н. Н. Баранову, которые любезно согласились прочесть рукопись книги и сделали замечания, содействующие ее улучшению.

---

[1] Э. Борель, Вероятность и достоверность, М., 1969, стр. 87.

I. ОЧЕВИДЕЦ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ПОКАЗАНИЙ

При рассмотрении вопроса о характере показаний очевидцев и значении их для расследования обращает на себя внимание то обстоятельство, что термин «очевидец», широко используемый в процессуальной и криминалистической литературе, в практике органов расследования и суда и в законе (ст. 122 УПК РСФСР), не имеет строго очерченного значения. Этот термин некоторые авторы используют тогда, когда хотят подчеркнуть, что свидетель лично что-то видел или слышал. Отграничивая свидетелей от очевидцев именно по такому признаку, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении по делу Лобанова указала: «Из приведенных выше показаний свидетелей усматривается, что никто из них очевидцами убийства Зайцева не был, и показания свои они давали лишь о том, что видели Лобанова вместе с Зайцевым»[1].

В этом одно из отличий свидетелей от очевидцев, но им не исчерпывается существо понятия «очевидец».

Некоторые авторы употребляют термин «очевидец», когда хотят подчеркнуть, что свидетель воспринимал именно событие преступления.

Я. М. Яковлев в данное понятие, кроме лиц, непосредственно воспринимавших событие преступления, включает свидетелей, впервые обнаруживших труп потерпевшего, а также родственников, друзей и соседей

---

[1] «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 2, стр. 23. Представляется интересным отметить, что многие ученые-процессуалисты в ГДР и ВНР выделяют свидетелей-очевидцев в особую группу, а УПК Румынской Народной Республики идет еще дальше и выделяет показания свидетеля-очевидца как самостоятельное доказательство. Ст. 131 УПК РНР гласит: «Доказательствами по уголовному делу являются: протоколы, документы, свидетельские показания, показания очевидцев, заключения экспертов и т. д.».

убитого, которых следователь застал на месте происшествия и «которые поэтому могут быть немедленно допрошены»[1].

Столь нечеткое и расширенное определение очевидцев, естественно, приводит и к расширенному пониманию предмета их допроса и круга обстоятельств, устанавливаемых при помощи показаний этой группы свидетелей. Наряду с обстоятельствами, которые могут быть установлены только в результате допроса очевидцев, Я. М. Яковлев предлагает круг вопросов, которые могут быть выяснены у лиц, не являвшихся очевидцами преступления или происшествия (фамилия, имя, отчество убитого, его место работы, адрес, состав семьи и т. д.). Несомненно, в некоторых случаях очевидец происшествия может этими сведениями располагать и сообщить их при допросе следователю. Но знание их или нахождение на месте происшествия в момент прибытия следователя еще не превращает такое лицо в очевидца, в то время как факт непосредственного восприятия происшествия при отсутствии сведений о личности потерпевшего, его взаимоотношениях с другими лицами и т. д. является достаточным для признания его таковым.

Г. Г. Зуйков, определяя круг свидетелей-очевидцев при разбойных нападениях и грабежах, относит к их числу лиц, видевших само нападение, первыми обнаруживших потерпевшего после нападения, а также лиц, видевших предполагаемых преступников в момент их ухода с места происшествия[2].

С. С. Овчинский, в отличие от названных авторов, считает, что помимо очевидцев преступления ценными свидетелями по делу могут оказаться лица, видевшие подозреваемых в районе места происшествия до или после совершения преступления. Правильно, на наш взгляд, отделяя очевидцев преступления от свидетелей, видевших подозреваемых в районе места происшествия,

---

[1] Я. М. Яковлев, Расследование убийств, Сталинабад, 1960, стр. 124—126. Из приведенного высказывания можно сделать вывод о том, что если следователь не застал на месте происшествия этих лиц и не смог их немедленно допросить, то они перестают быть свидетелями-очевидцами, что, на наш взгляд, неверно.

[2] «Криминалистика», М., 1968, стр. 609—610.

он тем не менее не называет тех признаков, которые позволили бы четко отграничить очевидцев от иных свидетелей.

Для правильного понимания психологической природы очевидца необходимо учитывать не только источник получения им сведений о факте, но и характер происшедшего события и степень осознания его очевидцем.

Некоторые очевидцы (свидетели или потерпевшие) могут воспринимать событие, не осознавая, что это преступление. Так, при совершении мошеннических действий потерпевший передает преступнику ценности, деньги и т. д., но, как правило, не осознает, что в отношении его совершается преступление. Он считает и свои действия, и действия преступника правомерными или, по крайней мере, не причиняющими ему вреда. Гардеробщик, выдающий пальто по выкраденному номерку, кассир, принимающий фальшивые деньги, продавец, отпускающий товар по поддельному чеку, непосредственно воспринимают событие и видят преступника, но не осознают характера происходящего события, не понимают, что совершается преступление.

Свидетель Б., допрошенная по делу о краже мясных продуктов из спецмашины «Ленмясокомбината», подробно описала лиц, перегружавших окорока на другую машину, указала их приметы, содержание своего разговора с ними, но она не сознавала, что на ее глазах происходит кража. Она показала: «Я, не придав значения всему происходящему, пошла далее, к дому 20, где обернулась и увидела, что легковая машина направляется задней частью к фургону, стоявшему под аркой, но опять у меня не возникло никаких настораживающих мыслей. Номера всех трех машин я не смотрела и не заметила... Уже к концу работы пришел работник милиции и сказал, что украли мясо из машины».

Еще более характерные показания в этом плане дает другая свидетельница, допрошенная по этому делу, — десятилетняя Марина К. Не имея возможности в силу своего возраста осознать происходящее, она всю ситуацию происшествия восприняла по-своему, в соответствии с имеющимся у нее запасом жизненного опыта, знаний, представлений: «Они при помощи ножа отбивали лед от дверцы машины. Я отвернулась, ушла в парадное, откуда услышала грохот. Когда я вышла назад, то

дверцы уже открылись и из машины выпали «коричневые дрова». Старый взял два бревна под мышки, а молодой завернул дрова в плащ. Одно бревно они понесли через дорогу в сквер». Не понимая смысла и значения происходящего, эта малолетняя свидетельница взлом замка принимает за отбивание льда от дверцы, а похищенные окорока — за «коричневые дрова».

Сказанное приводит к мысли о том, что в понятии «очевидец» следует различать две группы лиц, в зависимости от их субъективного отношения к воспринимаемому происшествию: группу лиц, воспринимающих происшествие или преступление и не осознающих его как таковое, и группу свидетелей и потерпевших, которые в момент происшествия оценивают его именно как происшествие. Очевидцы первой группы осознают только внешнюю связь явлений, очевидцы второй группы осознают не только внешнюю, но и внутреннюю связь явлений действительности.

Следует подчеркнуть, что речь идет не об обязательном понимании правовой природы происходящего, а об осознании происшествия как события, нарушающего нормальный порядок вещей, естественный ход событий.

По своей природе первая группа очевидцев, по существу, примыкает к свидетелям, воспринимавшим непосредственно факты и обстоятельства, сопутствующие преступлению. Например, свидетель обращает внимание на быстро проехавший автомобиль, но не осознает, что на нем скрывается с места происшествия преступник, или видит человека, выходящего из дому с чемоданом, но не подозревает, что это преступник, совершивший кражу, и т. д.

По нашему мнению, было бы правильно, исходя из близости психологической природы формирования их показаний, объединить первую группу очевидцев со свидетелями, дающими показания о фактах и обстоятельствах, сопутствующих преступлению.

Такое объединение представляется оправданным потому, что эти очевидцы и свидетели не осознают, что они воспринимают происшествие или явление, связанное с происшествием. Как у тех, так и у других на первой стадии формирования их показаний, на этапе восприятия и осмысливания, отсутствует представление о действительном характере события, что неизбежно отража-

ется на качестве восприятия и определенным образом показания в целом. И если эти свидетели дают показания о ранее наблюдавшихся ими событиях, то причиной этого является не осознание действительного смысла происходящего (это зачастую и невозможно сделать по отдельно воспринятым фрагментам события), а другие обстоятельства.

Отличие иных очевидцев и свидетелей от очевидцев происшествия можно обнаружить и при исследовании процесса формирования показаний тех и других.

Многие авторы, изучавшие закономерности формирования показаний свидетелей, рекомендуют с особой осторожностью относиться к показаниям очевидцев, непосредственно переживших (потерпевших-очевидцев) или воспринявших преступление (свидетелей-очевидцев), так как происшедшее обычно оказывает сильное влияние на их эмоциональное состояние, вызывая определенные психические состояния (испуг, страх, боль, негодование, растерянность и т. д.), что оказывает отрицательное влияние на правильность их показаний. Возникновение отрицательных эмоций и соответствующих психических состояний очевидца является следствием осознания значения воспринимаемого события. Именно через осознание события как происшествия и появление, вследствие этого осознания, отрицательных эмоций могут быть объяснены сильные и слабые стороны такого источника доказательств, как показания очевидцев. (Более подробно о механизме действия эмоций см. гл. II настоящей работы.)

Понимание смысла происходящего — предпосылка более правильного восприятия, более точного и полного сохранения в памяти воспринятого и адекватного воспроизведения событий при допросе. Но эти же обстоятельства могут быть причиной ошибок и искажений в показаниях добросовестного очевидца, так как осознание ситуации как преступления предопределяет возникновение различных психических состояний, отрицательно сказывающихся на точности и объеме показания.

Преступление как событие, нарушающее нормальный, естественный ход явлений и связанное, как правило, с действиями, затрагивающими общественные или личные интересы людей, сопровождается определенным психическим отношением к происходящему.

Степень полноты и правильности осознания ситуации по принципу обратной связи воздействует как на процесс восприятия, так и на уровень эмоциональных процессов, которые, в свою очередь, оказывают влияние на процесс восприятия и на процесс мышления в данной ситуации. Взаимодействие этих процессов и определяет в конечном итоге полноту и точность восприятия и последующего воспроизведения показаний очевидцев.

Воспринимая определенное происшествие или подвергаясь его воздействию, очевидец неизбежно пытается осмыслить его, т. е. понять значение определенных действий и всю ситуацию в целом, свое место и степень участия в происшествии, возможный ход развития самого происшествия и его последствий.

В зависимости от степени выраженности признаков происшествия и индивидуальной способности очевидца оценивать их полнота и степень понимания и осознания происходящего могут быть различными.

Осознание происходящего как происшествия или преступления особым образом организует и сам процесс восприятия — его механизм. Свидетель, не понимающий смысла происходящего, не выделяющий его из множества других воспринимаемых явлений, все элементы события воспринимает и фиксирует как равнозначные. Такой свидетель распределяет свое внимание между всеми элементами ситуации, не выделяя никакие из них, так как все они для него однопорядковы (здесь мы не касаемся случаев профессионального или иного интереса к событию, который может проявляться в подобных ситуациях)[1].

Для очевидца, понимающего смысл происходящего, характерно избирательное восприятие обстоятельств происшествия, определенная направленность сознания на отыскание новых или уяснение воспринятых деталей, подтверждающих или опровергающих его предположение относительно характера происшествия.

---

[1] Аналогичной позиции придерживаются И. К. Шахриманьян и Л. Г. Жабицкая: «... в тех случаях, когда свидетель не знает, что им воспринимается преступление или обстоятельство, относящееся к преступлению, восприятие имеет пассивный характер, «внутренняя обработка» не происходит. В силу этого оно может быть мало осмысленным» («Вопросы психологии» 1965 г. № 2, стр. 149).

В то же время круг и объем внимания очевидца сужен, ограничен такими элементами происшествия, которые в данной ситуации наиболее значимы для него,— действиями преступника, непосредственно угрожающими очевидцу или другому лицу, их имущественным, физическим или нравственным интересам.

Для очевидца характерно непосредственное восприятие какого-то факта, являющегося происшествием, т. е. явлением, нарушающим естественный ход событий, нормальный порядок вещей и субъективно осознаваемого им как происшествие.

Необходимо подчеркнуть, что все очевидцы происшествия становятся участниками уголовно-процессуальной деятельности только после того, как они будут привлечены к даче показаний по делу в порядке, установленном законом. До этого момента они только потенциальные очевидцы, лица, обладающие какими-то сведениями о происшествии, ибо понятие происшествия шире понятия преступления. (Этим объясняется, например, то обстоятельство, что в уголовном процессе и криминалистике существуют такие понятия, как «осмотр места происшествия», «выяснение обстоятельств происшествия», «автотранспортные происшествия» и т. д., которыми пользуются для обозначения события, юридическая природа и квалификация которого пока не ясна.)

Показания очевидцев могут быть выделены в специфическую группу не только исходя из психологических особенностей их формирования, но и с точки зрения их доказательственной ценности.

Очевидцы образуют такую группу участников уголовного процесса, в которой объединены разнородные категории — свидетели и потерпевшие.

Такое объединение не противоречит и закону, в частности ст. 122 УПК РСФСР, предусматривающей возможность задержания лица, «когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо как на совершившее преступление».

Какие положения с точки зрения теории доказательств дают основания выделить показания очевидцев в специфическую группу источников доказательств?

Во-первых, показания очевидцев — это всегда первоначальное доказательство. Это дает основания полагать, что либо в них содержится больший, чем в производных,

объем фактической информации о расследуемом событии, либо они являются более информативными.

Требование о необходимости во всех возможных случаях получить первоначальные доказательства связано с одним из основных принципов уголовного процесса — с принципом непосредственности, согласно которому суд должен воспринимать сведения об обстоятельствах дела из первоисточника. Это же диктуется и соображениями чисто практического порядка[1].

Во-вторых, рассматривая показания очевидцев с точки зрения их доказательственной ценности, следует помнить о необходимости и возможности их проверки. Без проверки невозможно правильно оценить доказательства.

Доказательственное значение показаний усиливается, если есть возможность проверить не только содержащиеся в них фактические данные, но и процесс формирования этих показаний как с точки зрения возможности восприятия определенного события, так и с точки зрения правильности его восприятия.

Показания свидетеля о скорости автомашины, которая ему известна из рассказа очевидца происшествия, могут быть проверены только путем допроса этого очевидца и оценены в процессе сопоставления с другими материалами дела. Проверяя показания такого свидетеля, можно только установить, правильно ли он понял и передал то, что услышал от очевидца, не касаясь вопроса правильности восприятия самого факта.

Показания же очевидца могут быть проверены не только с содержательной стороны, но и с точки зрения тех конкретных условий, в которых они сформировались. Именно возможность исследования условий, процесса формирования показаний очевидца придает им особое доказательственное значение. Весьма часто именно исследование процесса формирования показаний придает им особую значимость или, напротив, сводит на нет те фак-

---

[1] Русский юрист В. Д. Спасович заметил: «Шансы ошибки удваиваются, когда истина пройдет через две среды, учетверяются, когда через четыре и т. д., наконец из двадцатых уст мы слышим безобразный миф, уродливое сказание, в котором бесконечно малая доля правды исчезает почти совершенно в растворе обмана, выдумок и лжи» («О теории судебно-уголовных доказательств», СПб., 1861, стр. 12).

тические сведения, которые очевидец сообщает в своих показаниях. Например, если в результате проведения следственного эксперимента будет установлена способность очевидца относительно точно определять скорость транспортных средств вообще, то его показания о скорости в конкретном случае будут иметь существенное доказательственное значение. Если же в результате следственного эксперимента будет установлено, что очевидец такой способностью не обладает, то его показания о скорости в момент происшествия вряд ли будут представлять доказательственную ценность (как и показания свидетеля, которому он рассказывал о происшествии).

Третьей, на наш взгляд, специфической чертой, характеризующей очевидцев, является доступность и удобство в получении и пользовании их показаниями. Очевидцы во многих случаях находятся на месте происшествия, когда приезжают работники милиции или следователь. Их допрос позволяет быстро организовать проведение розыскных мероприятий и следственных действий по установлению и задержанию виновных лиц, обнаружению вещественных доказательств, розыску похищенного и т. д.

Таким образом, обстоятельствами, позволяющими выделить очевидцев в специфическую группу участников уголовного процесса, являются потенциально большая информативность их показаний по сравнению с показаниями иных свидетелей, возможность проверки процесса формирования показаний и удобство в их получении и использовании.

II. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ ОЧЕВИДЦЕВ

В криминалистической литературе в течение длительного времени процесс формирования свидетельских показаний традиционно делится на три стадии — стадию восприятия, стадию запоминания и стадию воспроизведения[1].

В основе такого деления лежат закономерности протекания психических явлений человека и формы их реализации. Применительно к этой структуре мы и рассмотрим процесс формирования показаний очевидцев.

§ 1. Особенности формирования показаний очевидцев на стадии восприятия

(Роль мышления и внимания в процессе восприятия преступных событий. Эмоции и их влияние на правильность восприятия. Влияние алкоголя и болевых ощущений. Ошибки восприятия)

Первый этап формирования показаний очевидца отличается относительно высоким уровнем мыслительной деятельности по осознанию, уяснению и осмысливанию воспринятого происшествия.

Начало всякой мыслительной деятельности на ее любом уровне является потребность что-то понять.

---

[1] А. Р. Ратинов выделяет пять этапов формирования показаний свидетеля: получение, накопление и обработка информации; запечатление, сохранение и переработка информации; воспроизведение, словесное оформление и передача информации; прием, переработка и процессуальное закрепление информации; повторное свидетельствование (А. Р. Ратинов, Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 176).

«Мышление всегда начинается с проблемы или вопроса, с удивления или недоумения, с противоречия»[1].

Восприятие каких-то элементов происшествия, зачастую фрагментарных, затрагивающих интересы очевидца, желание по этим отрывочным элементам понять ситуацию в целом заставляют очевидца активизировать свою мыслительную деятельность.

Активизация мыслительной деятельности по осознанию ситуации является, с одной стороны, предпосылкой, а с другой — следствием активизации и других познавательных процессов очевидца — ощущений и восприятий, воображения и памяти. Исключительно важная роль на этом этапе принадлежит вниманию очевидца.

Преступление по-разному может проявляться и обнаруживаться вовне. Его внешнее проявление (динамика и материальные следы) может привлекать внимание своей необычностью, неестественностью поведения и действий в данной ситуации, явно угрожающим характером и т. д. Однако по ряду преступлений действия преступника, наблюдаемые свидетелем в данной конкретной ситуации, по своему внешнему проявлению могут не отличаться от обычных правомерных действий.

Поэтому в подавляющем большинстве случаев очевидцы имеются только по тем преступлениям, в которых их внешнее проявление привлекло к себе внимание окружающих. В подобной ситуации внимание очевидцев привлекается непроизвольно.

Вследствие того, что во внимании выражается отношение личности к объекту, на который направлено ее сознание, надо полагать, что значимость этого объекта для личности очевидца имеет основное или, по крайней мере, существенное значение.

Привлечение внимания очевидца к тому или иному происшествию, как правило, связано с везапностью или интенсивностью его — выстрел, вспышка пламени, крик, скрип тормозов, удар и т. п. Образуемые этими действиями сильные раздражители скорее привлекают к себе внимание. Однако не сила и интенсивность раздражителя привлекают к себе внимание очевидца, а главным образом, его относительная значимость для лица.

---

[1] С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, М., 1940, стр. 289.

Она зависит от интересов очевидца и связана с потребностями личности, желаниями, профессиональными или любительскими занятиями, а также с целями, которые очевидец ставит перед собой.

Значимость и интерес могут сочетать в себе как эмоциональные (страх, испуг, ненависть, жалость), так и интеллектуальные моменты (любопытство, желание увидеть что-то новое и т. д.).

Сущность непроизвольного внимания, которое свойственно подавляющему большинству очевидцев, именно в том и состоит, что интенсивность или новизна раздражителей, их эмоциональная окрашенность, а также связь с интересами, потребностями и деятельностью приводят к тому, что определенные явления, предметы или лица на какое-то время завладевают их вниманием.

Между тем можно выделить относительно небольшую группу очевидцев, которые наблюдают совершение преступлений, внешне не отличающихся от правомерных в конкретной ситуации действий. В основном эту группу очевидцев образуют оперативные работники милиции, ведущие наблюдение за преступником, которое ими начато задолго до совершения преступления, и задерживающие его с поличным. К этой же категории очевидцев следует отнести и граждан, которые обратили внимание на преступника или его действия (манеру держаться, одежду и т. д.) до того, как он совершил преступление, и продолжали наблюдение за ним в момент совершения преступления.

Обе эти группы очевидцев, воспринимая происшествие, «работают» с целенаправленным вниманием (мы говорим здесь о произвольном восприятии происшествия, а не поведения преступника, которое могло привлечь внимание очевидца задолго до совершения преступления непроизвольно). В первом случае целенаправленное внимание определяется содержанием профессиональной деятельности, во втором — осознанием ситуации, пониманием и осознанием своего общественного, гражданского долга.

На примере этих двух групп очевидцев наиболее ярко выступает отличие очевидцев от иных свидетелей, воспринимавших одно и то же событие. Именно понимание значения и смысла происходящего и возможных последствий действия является одним из моментов, образующих специфику этой группы источников информации.

Непроизвольное внимание, вызванное необычной формой проявления преступления, в результате осознания смысла и значения происходящего переходит в целенаправленное, произвольное внимание, качественно улучшая и весь процесс восприятия. Интересы, навыки, профессиональная деятельность позволяют в действиях внешне правомерных увидеть субъективно для очевидца значимые элементы, что вызовет целенаправленное произвольное или послепроизвольное внимание. Следует подчеркнуть, что внимание тесным образом связано с сознанием и мышлением и во многом определяется последними. Исходя из существующего деления внимания на непроизвольное, произвольное и послепроизвольное, имеется и три вида восприятия — непроизвольное, произвольное и послепроизвольное. Это деление существенно для понимания специфики формирования показаний очевидцев. Произвольное, целенаправленное восприятие, по существу, превращается в наблюдение.

Существует довольно значительная группа очевидцев, получение информации которыми о событии происшествия связано с выполнением ими определенных служебных обязанностей (работники ГАИ—ОДН, работники уголовного розыска по борьбе с карманными ворами и т. д.). Они выполняют свои профессиональные функции с помощью сознательно направленного внимания на определенные обстоятельства, действия, объекты, людей. Эта категория очевидцев, как правило, «работает» (в момент восприятия события происшествия) с произвольным или послепроизвольным вниманием.

Повышение качества восприятия такого очевидца объясняется тем, что он заранее, хотя бы в самых общих чертах, знает особенности, «опознавательные признаки» ситуации, события, предмета, которые ему предстоит воспринять, что делает показания более полными и правильными. Еще до того как стать очевидцем автотранспортного происшествия, работник ГАИ—ОДН в своем сознании имеет представление о возможном механизме происшествия — о действиях пешеходов и водителей транспорта, о признаках того или иного вида автопроисшествий — и поэтому в момент восприятия происшествия он как бы отыскивает определенные признаки, соотнося их с имеющимися в его памяти эталонами аналогичных событий.

В существовании такой предварительной фазы при

произвольном восприятии и заключено более полное и правильное восприятие очевидцев, являющихся специалистами в определенной области или воспринимающих событие в силу выполнения профессиональных обязанностей.

С. Л. Рубинштейн писал, что восприятие никогда не бывает чисто пассивным, созерцательным актом. «Воспринимает не изолированный глаз, не ухо само по себе, а конкретный человек, и в его восприятии, если взять его во всей его конкретности, всегда сказывается весь человек, его отношение к воспринимаемому, его потребности, интересы, устремления, желания и чувства. Эмоциональное отношение как бы регулирует и расцвечивает воспринимаемое — делает яркими, выпуклыми одни черты и оставляет другие затушеванными, в тени»[1].

Влияние эмоционального состояния на восприятие очевидца может быть двояким — оно может повышать качество восприятия, его объем и точность, а может снижать, тормозить и искажать его. При страхе, например, эмоциональная ситуация, требующая сначала значительного напряжения сил, приводит затем к их упадку.

П. В. Симонов считает, что страх возникает при недостатке информации, требующейся для организации своего поведения и успешной защиты[2].

Эмоции, являясь следствием дефицита информации, необходимой для целесообразной организации поведения человека в критической ситуации (в нашем случае при совершении преступления), препятствуют правильному получению и сохранению в сознании и памяти участников этой ситуации информации о ней самой. Будучи физиологически необходимы и полезны, эмоции, нарушая течение познавательных процессов у очевидцев, отрицательно влияют на функции ощущений, восприятия, памяти, мышления, воли, что в свою очередь сказывается на полноте, точности и направленности их показаний.

При всей сложности и противоречивости механизма действия эмоций на процесс восприятия и формирования показаний очевидцев ряд исследований психологов и практическая деятельность органов следствия и суда да-

---

[1] С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, стр. 207.
[2] П. В. Симонов, Что такое эмоция, М., 1966, стр. 50.

ют основание связывать определенные эмоциональные состояния с качеством сопутствующих им со времени психических процессов. Отрицательные эмоции (чувство опасности, испуг, страх) оказывают существенное отрицательное влияние на объем и качество восприятия.

Эти чувства оказывают влияние на качество показаний и в том случае, когда опасность самому очевидцу не угрожает. Установлено, что испуг угнетающе действует на запоминание воспринятого. В первое время после испуга или волнения круг представлений сужен и сосредоточен на пережитом впечатлении и связанных с ним обстоятельствах. Поэтому после отрицательных эмоций восприятие не получает достаточного количества разнообразных связей, необходимых для качественного запечатления пережитого. При таких эмоциональных состояниях нарушается деятельность внимания[1].

Наиболее характерна для исследуемых обстоятельств эмоция страха.

Страх — это переживание скованности и беспомощности перед конкретной опасностью, выраженное стрем-

---

[1] В. В. Срезневский, Испуг и его влияние на некоторые физические и психические процессы, СПб., 1906, докторская диссертация, выполненная в лаборатории академика В. М. Бехтерева.

При изучении воспоминаний очевидцев казни декабристов мы обратили внимание на разноречивые указания имен приговоренных, которые сорвались с виселицы. Из изученных нами описаний семи очевидцев только один правильно называет имена мучеников, остальные допускают ошибки. Правильными можно считать только воспоминания И. Д. Якушкина, который пишет, что сорвались трое — Рылеев, Муравьев-Апостол и Каховский, так как эти же имена указаны и в официальном донесении на имя Николая I. Остальные очевидцы все говорят по-разному: И. Г. Шипов, помощник квартального надзирателя, конвоировавший декабристов на виселицу, говорит, что сорвались Рылеев, Муравьев-Апостол и Бестужев; неизвестный «самовидец» утверждает, что это были Рылеев, Бестужев и Каховский; декабрист В. И. Штейнгель — Муравьев, Бестужев, Каховский. Еще один неизвестный очевидец, находившийся у самой виселицы, свидетельствует, что это были Каховский, Рылеев и Бестужев, а О. А. Пржецлавский утверждает, что сорвались двое — Рылеев и Бестужев. («Казнь декабристов», «Русский архив», т. 2, 1881; «Древняя и новая Россия» 1886 г. № 3; «Декабристы в рассказе помощника квартального», журн. «Вестник Народной воли», № 5, Женева, 1886: «Рассказ самовидца о казни.., совершенной в Петербурге 13 июля 1826 г.», журн. «Красная Нива» 1925 г. № 53; «Казнь декабристов (рассказ очевидца)», «Парижский вестник» 1925 г. № 69; Кондратьев А. А., Как вешали декабристов (очерк), «Красный Север» 25 июня 1926 г.).

лением не вступать в борьбу с ней и ее преодолеть, а избавиться от ситуации опасности, избежать ее. Переживание страха всегда имеет место при опасности, до реализации которой остается определенная дистанция.

Другой вид отрицательного эмоционального переживания — испуг. В отличие от страха, который переживается до угрожающего воздействия, испуг следует за воздействием и является следствием внезапного дефицита сведений об источнике и размерах неожиданной угрозы.

В некоторых ситуациях страху может предшествовать боязнь, тревога. Эти специфические переживания появляются в отличие от страха тогда, когда конкретная опасность для очевидца еще не наступила. Однако он совершенно ясно представляет возможность такого изменения обстановки, которое потребует новых актов приспособления с его стороны и вызовет сомнение, сумеет ли он к ней приспособиться или станет жертвой опасности. Возникает состояние неуверенности, которое и порождает чувство боязни[1].

Все названные отрицательные эмоции связаны с опасностью наступления для лица каких-то вредных последствий. Сами по себе, объективно, никакие действия не могут вызвать переживания опасности. Одно и то же явление в разных ситуациях и для разных лиц может повлечь переживание страха и опасности, а для других лиц — не вызвать его. Только будучи осознаны и поняты, они (раздражитель, ситуация) и могут вызвать эти чувства.

Однако чувство страха и связанное с ним снижение уровня познавательных процессов (восприятия, мышления, памяти) не единственно возможная реакция на опасность.

В тех случаях, когда вероятность возникновения опасной ситуации связана с определенной деятельностью и лицо психически готовится к возможности действовать в этой ситуации, таких отрицательных последствий может и не наступить. Действия работников милиции при испол-

---

[1] А. С. Прангишвили, Исследование по психологии установки, Тбилиси, 1965, стр. 214—216. Чувство боязни характерно для эмоционального состояния лица, дающего неправдивые, ложные показания.

нении ими служебных обязанностей, военнослужащих в условиях боя, работников пожарной охраны при пожаре могут протекать в различных опасных ситуациях, но их восприятие в эти моменты бывает вполне правильным и сознание фиксирует значительно больше подробностей, чем сознание случайных очевидцев.

Как заметил Б. М. Теплов, «если атмосфера опасности вызывает эмоцию страха, она угнетает и умственную деятельность, но если она создает положительную эмоцию «боевого возбуждения», она может усиливать и обострять работу ума»[1].

Исходя из отмеченного своеобразия индивидуального восприятия, показания разных очевидцев, наблюдавших одно и то же событие в одинаково опасной ситуации, могут отличаться друг от друга объемом и качеством зафиксированных деталей и подробностей.

Одной из причин ошибок и неточностей в показаниях добросовестных очевидцев может быть состояние алкогольного опьянения. Под действием алкоголя значительно ухудшается способность правильно оценивать временные и пространственные отношения, понижается мыслительная деятельность, критичность, возможность правильно воспринимать последовательность событий, правильно понимать ситуацию и т. д.

Алкоголь даже в небольших дозах снижает реакцию на внешние воздействия, точность и координацию движений, снижает остроту зрения, слуха, осязания, притупляет ощущение холода, тепла, тактильные ощущения. При опьянении нарушается и цветоощущение, особенно цветов красного спектра. Резко ухудшается и значительно удлиняется время реакции на слуховые, зрительные и обонятельные раздражители в состоянии средней и сильной степени опьянения.

Прием 200—300 г сухого вина доводит количество алкоголя в крови на 1 л до 300 мг. В этом состоянии у 15% испытуемых отмечалось изменение способности различать отдаленность предметов, ухудшалась оценка расстояния до них[2].

---

[1] Б. М. Теплов, Проблемы индивидуальных различий, М., 1964, стр. 264—267.

[2] И. В. Стрельчук, Алкоголь — враг здоровья, М., 1966, стр. 28—29.

Противоречивое влияние оказывают на процесс восприятия болевые ощущения.

Дезорганизуя в целом процесс восприятия и мышления, болевые ощущения могут способствовать и активизации деятельности отдельных анализаторных систем очевидца. Если болевые ощущения, как правило, мешают правильной оценке временных промежутков, предопределяя их переоценку, то в ряде случаев они могут оказывать и положительное воздействие. Так, под воздействием болевых ощущений «повышается чувствительность не только рецепторов пораженной ткани, но и других рецепторов, как бы мобилизующих организм на бо́льшую предусмотрительность поведения. Этим объясняется повышение чувствительности зрения, слуха, обоняния, статических и мышечно-суставных ощущений при болевых раздражениях»[1]. Болевые ощущения сокращают время адаптации органов чувств.

Уровень осознания и осмысленности восприятия зависит от уровня развития интеллектуальных способностей очевидца, его позитивных знаний. По мере того как восприятие становится более осознанным, очевидец получает возможность расчленять воспринимаемое событие, выделять в нем интересующие его моменты и связывать их с другими. Чем выше у него будет развита эта способность, тем более точным и полным будет его восприятие.

Изучение практики расследования и знание закономерностей процесса восприятия и мышления дают возможность выделить типичные ошибки, возникающие на этапе формирования показаний очевидцев.

А. Р. Ратинов отмечает, что, помимо оптических, слуховых и других искажений, на этом этапе типичны ошибки, связанные с неправильными оценками размеров, расстояний, количества, неправильными суждениями о соотношении последовательности и других связях между предметами и явлениями[2].

---

[1] Б. Г. Ананьев, Теория ощущений, изд-во ЛГУ, 1961, стр. 288—289.

[2] А. Р. Ратинов, Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 179. Основные вопросы, связанные с указанными ошибками, подробно изложены в работе И. Кертэса «Тактика и психологические основы допроса» (М., 1965).

Другой характерной ошибкой в восприятии являются так называемые «люки (пробелы, пропуски) восприятия». При «люках восприятия» объем восприятия элементов события меньше того количества, которое имелось в действительности и могло быть воспринято. «Люки восприятия» возникают в связи с быстротечностью явлений действительности, вследствие чего определенные ощущения не успевают фиксироваться сознанием.

Другим примером «люка восприятия» может служить ситуация, когда раздражение было ниже порога восприятия (например, при неполной адаптации анализатора) и ряд элементов ситуации не воспринимался.

Показания очевидца могут быть искажены и вследствие противоположного явления — восполнения «люков восприятия». Стремясь к созданию логически цельной и убедительной картины описываемого события, очевидцы часто подменяют «действительное обычным», т. е. детали, которых они не заметили или плохо рассмотрели, они подменяют деталями, которые, по их представлению и прошлому опыту, могли быть в данной ситуации.

Это свойство восприятия, порождающее ошибки, встречается в различных модификациях. Весьма часты случаи, когда зрительное восприятие одних особенностей события или предмета влечет за собой зрительное представление других его особенностей, не данных непосредственно в этом акте восприятия. Связывая, как правило, разбойное нападение с применением холодного или огнестрельного оружия, потерпевшие и свидетели-очевидцы часто принимают за оружие различные предметы (расческу, палку, авторучку, ключи — за нож, пачку сигарет или папирос — за пистолет).

Другим случаем подобного рода являются ошибки, вызванные тем, что определенные представления вносят «коррективы» в восприятие. Наделяя одни предметы определенными свойствами, очевидцы склонны переносить их качества на другие предметы, сходные с ними или ошибочно принятые за них. При расследовании автопроисшествия потерпевшая, пожилая женщина, в своих показаниях утверждала, что сбившая ее машина была «скорая помощь», марки «Волга», светло-серого цвета. В действительности ее сбила машина специальной медицинской службы, марки «Москвич», темно-вишневого

цвета. Такое несоответствие показаний потерпевшей действительности можно объяснить тем, что воспринятый ею красный крест на стекле автомашины, сбившей ее, вызвал привычное представление об автомашине «скорая помощь», которые бывают чаще всего марки «Волга», светлых тонов.

При анализе ошибок, возникающих на данной стадии формирования показаний очевидцев, необходимо отметить еще одну важную закономерность. Особенностью восприятия человека, в конечном счете обусловленного общественной практикой, является его тесная связь со словом, благодаря чему восприятие приобретает осмысленный характер. Всякий предмет, всякое событие или явление воспринимают как таковые благодаря тому, что их существенные свойства фиксированны в обозначающем их слове. Но благодаря слову в воспринимаемый предмет или воспринимаемое событие может включаться и содержание, не данное непосредственно, чувственно, в конкретном акте восприятия. Строганов, Стефанов и Дубень были признаны виновными в том, что совершили разбойное нападение на Рогозина, с которого, применив насилие, сняли пальто и пиджак. Обвиняемые заявили, что они не собирались грабить Рогозина, а хотели доставить его в милицию, так как во время совместного распития водки Рогозин стал им задавать вопросы о воинской части, в которой они служили, что показалось им подозрительным. Рогозин оказал им сопротивление, вырывался, и во время борьбы с него оказались сняты пальто и пиджак. Приговор суда, рассматривавшего дело в первой инстанции, был основан на показаниях четырнадцатилетнего свидетеля-очевидца Вячеслава Туманова, который пояснил, что обвиняемые «тащили этого пьяного за собой, но он не шел и вырывался от них... Девочки, Попова и Соловьева, стали говорить, что «раздевают пьяного», а когда я подошел поближе, то увидел, что обвиняемые сняли с пьяного пальто».

Таким образом, для несовершеннолетнего Туманова неясная первоначально ситуация была обозначена в слове «раздевают», произнесенном одной из девочек, и в свете этого происходило все дальнейшее восприятие событий. Изменяя приговор в части квалификации преступления (на ч. 2 ст. 74 УК РСФСР в редакции 1926 года), Пленум Верховного Суда СССР отметил, что

«очевидец происшествия Вячеслав Туманов подтвердил показания обвиняемых в той части, где они утверждают, что имели намерение задержать Рогозина, так как он показался им подозрительной личностью. Когда же этот свидетель подошел ближе и увидел в руках обвиняемого пальто потерпевшего, он, не разобравшись в происшедшем и добросовестно заблуждаясь, мог полагать, что обвиняемые умышленно раздели потерпевшего с тем, чтобы завладеть его вещами»[1].

Таким образом, по своей внутренней психологической сущности процесс формирования показаний очевидцев противоречив: с одной стороны, активная мыслительная деятельность предопределяет более глубокое проникновение в суть воспринимаемого события и, следовательно, полноту и точность показания. С другой стороны, возникающие вследствие этого отрицательные эмоции мешают правильному восприятию, запоминанию и пониманию обстоятельств происшествия.

В этой двойственности, объясняющейся диалектически единством положительных и отрицательных сторон любого явления, заключены сильные и слабые стороны исследуемого источника доказательственной информации.

§ 2. Особенности запоминания очевидцами обстоятельств происшествия

(Роль памяти в процессе формирования показаний очевидцев. Произвольное и непроизвольное запоминание обстоятельств происшествия. Влияние эмоций на запоминание очевидцев. Явление реминисценции и определение оптимальных сроков допроса)

В подавляющем большинстве случаев, воспринимая то или иное событие или происшествие, очевидцы и иные свидетели не ставят себе специальной цели запомнить воспринятое. Случаи, когда свидетель ставил себе такую цель в момент восприятия или непосредственно после него, в следственной практике весьма редки.

Если исходить из идеальных условий формирования свидетельских показаний, то предпочтительным надо признать, конечно, преднамеренное запоминание, как

---

[1] «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1958 г. № 2, стр. 24—26.

более полное и точное. Однако и непроизвольное запоминание вполне способно обеспечить относительно высокий уровень сохранения информации, необходимой для установления истины в процессе расследования.

Даже если допустить, что очевидцы во всех случаях осознают возможность последующей дачи показаний и ставят себе цель запомнить воспринятое, то и в этом случае они могут отчетливо воспринять и запомнить только часть события, главную или наиболее значимую, с их точки зрения. Второстепенные, по их мнению, детали они все равно вряд ли запомнят. А так как в процессе расследования значимой может оказаться любая деталь события, то и в показаниях, сформировавшихся в условиях целенаправленного, произвольного запоминания, всегда будут элементы, зафиксированные в памяти непроизвольно.

Исследования советских психологов показали, что непроизвольное запоминание обеспечивает довольно высокий уровень сохранения и адекватного отражения воспринятого события, а в некоторых случаях оно даже превосходит произвольное.

Существенным условием высокого качества непроизвольного запоминания является активная работа мышления, понимание сути и значения события. Установлено, что в абсолютном большинстве случаев при непроизвольном запоминании фиксируется то, что вызывает вопросы, недоумение, удивление, что представляет препятствие, задержку, указывает на наличие задачи, которую нужно осмыслить, решить. Лучше запоминается все странное, необычное, непонятное, что не укладывается в рамки машинально протекающего восприятия. То, что протекает автоматически, схематично, в плане так называемых «фиксированных установок», воспринимается, запечатлевается и воспроизводится значительно хуже[1].

Сказанное дает основания для вывода о том, что запечатление элементов и деталей происшествия очевидцами преступления более точное и более полное, чем запечатление любого иного свидетеля, который, воспринимая то же самое событие, не понимал его смысла и

---

[1] А. А. Смирнов, Проблемы психологии памяти, М., 1966, стр. 81.

значения, или свидетеля, воспринимавшего не само происшествие, а обстоятельство, сопутствующее ему.

Такой вывод мы можем сделать исходя из того, что мыслительная деятельность по осознанию и понятийному оформлению воспринятой ситуации, обязательная для любого очевидца, характеризуется активностью и направленностью его сознания. У свидетелей и очевидцев, не осознающих значения происходящего, восприятие носит пассивный характер, что при непроизвольном запоминании дает значительно меньший уровень полноты и точности запечатления.

Однако на запоминание очевидцев, в отличие от иных свидетелей, определенное отрицательное влияние оказывает эмоциональный характер происшествия.

Сильная степень эмоционального переживания, связанного с восприятием события происшествия или преступления, может отрицательно сказаться на полноте и правильности запоминания. Из воспринятого могут выпасть отдельные элементы, иногда весьма существенные, отсутствие которых при воспроизведении дает неправильную картину всего события в целом. Такие переживания чаще всего отмечаются у потерпевших-очевидцев и являются следствием сильного испуга, вызванного преступлением.

Эмоциональная реакция потерпевшего-очевидца на ситуацию объясняется тем, что преступление всегда связано с причинением ему какого-то вреда, с нарушением его прав, ущемлением интересов. Поэтому восприятие очевидца всегда связано с особой формой психического отношения к происходящему — сознанием сопричастности.

Эмоциональное влияние происшествия на запечатление и сохранение в памяти не однозначно. Его действие сложно, избирательно. Если иным свидетелем (не очевидцем) воспринятые события могут быть запечатлены с равной степенью вероятности (естественно, с учетом индивидуальных свойств его личности — памяти, интересов, потребностей), то запечатление очевидцем происшествия, в силу особого характера его участия и заинтересованности в нем, всегда более избирательно, фрагментарно.

Противоречивый характер действия эмоционально насыщенного происшествия на запечатление очевидцев

требует особо тщательного подхода к проверке и оценке их показаний.

С эмоциональным характером восприятия и его влиянием на запечатление и сохранение в памяти свидетелей тесно связан вопрос об оптимальных сроках допроса, обеспечивающих наиболее полные и точные показания.

В качестве общего правила следует признать, что чем меньше промежуток времени между восприятием лицом событий и его допросом, тем полнее и точнее показания. Однако при запоминании обстоятельств происшествия, носившего эмоциональный характер, проявляется закономерность, отличная от процесса запоминания эмоционально-нейтральных событий.

Эта закономерность проявляется в том, что отсроченное воспроизведение события, вызвавшего в момент восприятия сильные эмоции, может быть более полное и точное, чем воспроизведение непосредственное.

В практике расследования часто показания очевидцев и главным образом потерпевших-очевидцев при повторном допросе (т. е. при отсроченном воспроизведении) бывают более полными и точными, чем показания, данные непосредственно после события преступления при первом допросе.

А. Р. Ратинов отмечает, что временное снижение памяти может быть обусловлено психическим и даже физическим состоянием свидетеля. Длительность сохранения информации зависит от индивидуальных и возрастных особенностей свидетеля, от преобладания у него определенного вида памяти (словеснологической, образной, двигательной или эмоциональной), от его склонности к механическому или осмысленному запоминанию, от преимущественного запечатления зрительного, звукового, цифрового или иного материала, что в значительной степени обусловлено интересами и профессиональными навыками[1].

Явление восстановления в памяти временно забытой информации называется реминисценцией.

В опытах советского психолога Д. И. Красильщиковой, основанных на 485 индивидуальных экспериментах, реминисценция была обнаружена в 40,5%. Ею отме-

[1] А. Р. Ратинов, указ. работа, стр. 182.

чалась реминисценция не только при повторном воспроизведении, но в ряде случаев, где повторное воспроизведение было хуже, третье воспроизведение после более длительного временного интервала давало резкое улучшение. Явление реминисценции обнаружено Красильщиковой в показаниях детей чаще, чем в показаниях взрослых. Ею отмечено также, что непосредственное воспроизведение больше опирается на внешние стороны материала, в то время как отсроченное — на смысловые связи.

Б. А. Греков, изучавший проявление реминисценции у людей в пожилом и старческом возрасте, приходит к выводу о том, что возникновение реминисценции — широко распространенное явление.

Особое для криминалистики значение приобретает вывод о том, что «возбужденное состояние, вызванное эмоционально-насыщенным материалом, тормозило процесс непосредственного воспроизведения. При отсроченном воспроизведении, когда непосредственное впечатление от прослушанного рассказа сглаживалось, испытуемые значительно улучшали изложение»[1].

Эту закономерность отмечает и польский криминалист П. Хорошовский, указывая, что «воспроизведение материала по прошествии 2—3 дней более полное, чем непосредственное. Особенно когда обстоятельства происшествия имеют эмоциональный характер, непосредственное воспроизведение менее достоверно, чем отсроченное»[2].

По утверждению некоторых криминалистов, на исследования которых ссылается П. Хорошовский, до 8 дней от момента восприятия возрастает четкость представления и воспроизведения, а потом (после 15 дней с момента восприятия) оно становится менее четким.

Восприятия преступления, оказывающего на очевидцев сильное эмоциональное воздействие, может привести к полному или частичному забыванию ими обстоятельств происшествия. В подобных случаях явление реминисценции уже наступить не может.

---

[1] Б. А. Греков, Реминисценция в пожилом и старческом возрасте, «Вопросы психологии» 1969 г. № 3, стр. 56—58.

[2] П. Хорошовский, Криминалистика, Варшава, 1956, стр. 75 (перевод Института криминалистики Прокуратуры СССР).

§ 3. Особенности воспроизведения показаний очевидцами

(Роль очевидцев в происшествии и ее влияние на правильность показаний. Непроизвольное искажение обстоятельств происшествия. Мотивы поведения и их влияние на полноту и правильность показаний. Эмоции и их роль в процессе воспроизведения показаний. Актуализация латентно запечатленной информации в процессе допроса. Адекватность словесного оформления смыслу показаний очевидцев)

Рассматривая этап воспроизведения полученной информации, следует еще раз указать на чисто методическую необходимость и условность деления на этапы процесса формирования показаний, так как все внутренние, скрытые психические процессы, образующие первые два этапа, объективируются в третьем. Поэтому трудно, а порой и невозможно точно определить, на каком этапе, в какой момент произошло то или иное изменение воспринятого. О всевозможных изменениях, которые происходят в показаниях свидетелей, можно судить, лишь сопоставляя их с информацией, полученной из иных источников доказательств. В этой связи, в целях удобства изложения, мы вынуждены рассматривать некоторые особенности формирования показаний, связанные с двумя первыми этапами, в настоящем параграфе, при изложении вопроса о даче показаний.

Дача показаний при допросе — своеобразная специфическая форма воспроизведения событий прошлого.

Одной из особенностей очевидцев, отличающей их от иных свидетелей и потерпевших, является их как бы сопричастность к происшествию. Эта форма психического отношения к происходящему событию, определяющаяся физическим или эмоциональным воздействием на личность очевидца, своеобразно организует протекание мыслительного и иных познавательных процессов и неизбежно отражается и на его показаниях.

Показания очевидцев могут существенно меняться в зависимости от их отношения к происходящему событию, от степени участия в нем. По отношению к происходящему событию очевидцы могут быть разделены на две

группы: очевидцы — активные участники и очевидцы-наблюдатели.

К первой группе следует отнести потерпевшего-очевидца, свидетеля-очевидца, который пытался пресечь или предотвратить преступление, задержал или пытался задержать преступника, оказал помощь потерпевшему, сообщил о случившемся в органы милиции, вызвал скорую помощь и т. д.

Вторую группу будут составлять лица, воспринимавшие событие, но не принявшие в нем участия. В пределах этой группы очевидцев следует также провести дифференциацию на очевидцев, которые, наблюдая событие происшествия, имели возможность действовать, но не сделали этого по различным соображениям (из боязни, нежелания вмешиваться, опасаясь мести, под воздействием просьб или уговоров знакомых или родственников и т. д.), и очевидцев, которые не имели объективной возможности действовать (наблюдая происшествие из окна дома, из проходящего транспорта, на большом расстоянии, из-за болезни и т. д.).

Предложенная классификация очевидцев имеет существенное практическое значение для выбора тактики допроса и, главным образом, для оценки показаний такого свидетеля. Преувеличение опасности нападения, физической силы преступника, активности его нападения и интенсивности сопротивления при задержании может быть присуще показаниям активного очевидца и преуменьшение — их показаниям очевидца-наблюдателя, не оказавшего помощи потерпевшему под воздействием страха или других причин. Понимая безнравственность своего поведения и желая объяснить его причину не только следователю или судьям, но и себе, очевидец-наблюдатель может бессознательно для себя трансформировать воспринятую ситуацию, чтобы его поведение не получило отрицательной оценки окружающих. В таких подсознательных изменениях событий и фактов действительности в процессе дачи показаний могут проявляться различные формы «защитных механизмов» психики.

Мотивы, побуждающие свидетеля уклоняться от правильного изложения воспринятых событий, а в зависимости от них изменять и характер самого изложения, могут так незаметно меняться и переходить от одного к другому, что сам свидетель зачастую такой грани даже

не осознает. Это свойство человеческой психики называется конфабуляцией[1].

Конфабулянт, в отличие от лжесвидетеля и недобросовестного свидетеля, искренне убежден, что говорит правду.

Влияние, которое оказывают мотивы на показания очевидцев-потерпевших, может быть самым различным. В большинстве случаев потерпевший заинтересован в раскрытии преступления, в возмещении причиненного ущерба и т. д., и эта заинтересованность может отразиться на его показаниях. В некоторых случаях очевидец-потерпевший безразлично относится к установлению истины. Возможна ситуация, при которой установление истины нежелательно для потерпевшего-очевидца (например, инициатором какого-то инцидента был он сам).

В связи со сказанным нельзя согласиться с теми авторами, которые считают, что заинтересованность потерпевшего всегда направлена на привлечение к ответственности лица, совершившего преступление, в целях возмещения причиненного ущерба[2].

Различный характер заинтересованности и различная степень осознания мотивов оказывают различное влияние и на полноту, точность и направленность показаний потерпевших-очевидцев в ходе их допроса.

Румынский криминалист Т. Богдан отмечает четыре

---

[1] На это свойство психики обратил внимание Л. Н. Толстой в романе «Война и мир»: «Он (Борис Трубецкой. — *А. А.*) попросил Ростова рассказать о том, как и где он получил рану. Ростову это было приятно, и он начал рассказывать, во время рассказа все более одушевляясь. Он рассказал им свое Шенграбенское дело совершенно так, как обыкновенно рассказывают о сражениях участвовавшие в них, то есть так, как им хотелось бы, чтобы оно было, так, как они слыхали от других рассказчиков, так, как красивее было рассказывать, но совершенно не так, как оно было. Ростов был правдивый молодой человек, он ни за что умышленно не сказал бы неправды. Он начал рассказывать с намерением рассказать все, как оно точно было, но незаметно, невольно и неизбежно для себя перешел в неправду» (Л. Н. Толстой, Собрание сочинений в 20 т., т. 4, М., 1961, стр. 327).

[2] См., например, В. М. Савицкий, И. И. Потеружа, Потерпевший в советском уголовном процессе, М., 1963, стр. 152; В. П. Дубривный, Доказательственное значение показаний потерпевшего на предварительном следствии, «Ученые записки Саратовского юридического института», вып. 10, 1962, стр. 118.

группы факторов, оказывающих влияние на показания потерпевших-очевидцев. К первой группе он относит состояние сильного возбуждения, которое отрицательно сказывается на чувствительности анализаторов, что, в свою очередь, приводит к фрагментарности восприятия и запоминания.

Ко второй группе факторов, влияющих на характер показаний очевидцев-потерпевших, он относит направленность внимания очевидца на определенную, узкую группу факторов, в ущерб иным обстоятельствам, по отношению к которым он остается как бы безразличным.

Говоря о третьей группе факторов, Т. Богдан подчеркивает, что процесс искажения восприятия у потерпевшего, более чем у кого-либо другого, подвергается, с одной стороны, логической реконструкции, а с другой — дальнейшему приспособлению, определяющемуся действием оборонительной доминанты[1].

И, наконец, потерпевший более, чем кто-либо другой, подвергается внушению (как личному самовнушению, так и внушению со стороны органов расследования и суда, особенно в тех случаях, когда внушение идет по линии полного его оправдания и ухудшения положения преступника)[2].

Воспроизведение в виде дачи показаний при допросе характеризуется особой формой эмоционального состояния любого лица. Волнение, напряжение, беспокойство человека, вызванного в органы следствия или суда для дачи показаний, объясняются осознанием им значимости своих показаний и пониманием их последствий.

Однако, кроме названных факторов, на характер эмоционального состояния очевидцев существенное влияние оказывают и воспоминания о непосредственно воспринятом происшествии. На эмоциональное состояние очевидцев, в отличие от эмоционального состояния иных сви-

---

[1] Оборонительная доминанта — максимальный очаг нервного возбуждения, через который преломляются восприятие, оценка обстановки и происходит регуляция поведения лица.

[2] В результате этих рассуждений Т. Богдан делает вывод, с которым нельзя согласиться: «Отсюда вытекает общий закон, который устанавливает, что потерпевший — самый плохой свидетель: будучи самым добросовестным человеком, он повествует о событии с большими извращениями» («Curs introdukti in Psjchologia Judiciara», Bucuresti, 1957, S. 96—97).

детелей и потерпевших во время дачи ими показаний, оказывают влияние две группы факторов: чувства и переживания, связанные с воспоминанием о воспринятом происшествии, и чувства и переживания, связанные с процессом дачи показаний.

Несомненно, любая форма получения информации сопровождается в той или иной степени эмоциональным оттенком — и при выслушивании рассказа очевидца о происшествии, и при чтении документа, письма и т. д. Однако переживания и чувства, связанные с опосредствованной формой получения информации, оказывают на степень полноты и точности ее при воспроизведении значительно меньшее влияние.

Понимание смысла и значения происходящего события, характерное для очевидца, своеобразно сказывается и на процессе воспроизведения во время допроса.

Способы воспроизведения в зависимости от условий восприятия, степени осознания, качества запоминания и индивидуальных свойств памяти свидетелей бывают различны: воспоминания, припоминание, узнавание[1].

В подавляющем большинстве случаев показания очевидцев и иных свидетелей и потерпевших формируются при отсутствии у них установки на специальное запоминание воспринимаемого, т. е. при непроизвольном запоминании. Однако можно утверждать, что при прочих равных условиях непосредственность восприятия и сопровождающая его активизация мышления, характерные для очевидцев, создают определенные предпосылки для большего объема воспроизведения по сравнению с иными свидетелями.

Закономерности внимания, восприятия и запоминания, механизм их действия в процессе формирования показаний сказываются и на акте воспроизведения: то, что в процессе восприятия требовало определенных усилий для осознания, было осмыслено и понято, лучше сохранилось в памяти и воспроизводится с наименьшими потерями и искажениями.

Осмысленность восприятия предполагает и относительно большую возможность актуализации латентно

---

[1] В. А. Артемов, Курс лекций по психологии, Харьков, 1958, стр. 348.

запечатленного материала. При произвольном, а тем более при непроизвольном запоминании всегда имеется некоторый не обнаруживаемый при непосредственном воспроизведении фактически запечатленный материал[1].

Основная закономерность памяти, заключающаяся в зависимости запоминания (и произвольного, и непроизвольного) от содержания деятельности, проявляется и в том, что деление запоминаемого материала на актуальный и латентный слои также определяется характером основной деятельности субъекта, ее осмысленностью, осознанностью, направленностью. Причину расслоения материала на актуальный и латентный слои психологи видят в особенности ориентировки субъекта. Ю. В. Идашкин определяет ориентировку как деятельность, направленную на обследование ситуации и приводящую к выяснению особенностей ее компонентов, взаимоотношений между ними, а также их значения для поведения[2].

Нетрудно заметить, что понятие ориентировки в психологии весьма сходно с определением осознания очевидцами происшествия его смысла, характера, возможных последствий и значения. Это дает право рассматривать наличие двух слоев запечатления в качестве общей закономерности памяти и мышления, проявляющейся как при восприятии происшествия очевидцами, так и при воспроизведении его во время допроса.

Не отрицая возможности актуализации латентно запечатленной информации в показаниях любых свидетелей, следует признать, что восприятие происшествия, которое не только воздействует на ряд анализаторных систем очевидца, но и осмысливается и осознается этим очевидцем, создает объективные условия для выявления при допросе латентной информации в большем объеме, чем у иных свидетелей.

Способом актуализации латентно запечатленной информации о воспринятом событии может быть предъяв-

---

[1] Ю. В. Идашкин, К вопросу о воспроизведении латентно запечатленного материала, канд. дисс., М., 1959, стр. 40—41. Автор предлагает ту часть запечатленного материала, которая воспроизводится лицом без затруднения, называть «актуальным слоем запечатления», а ту часть, для воспроизведения которой необходимо проведение ассоциативных приемов, — «латентно запечатленным слоем».

[2] Ю. В. Идашкин, указ. работа, стр. 43.

ление материальных объектов, вещественных доказательств и т. д. либо группы словесных раздражителей, способных вызвать определенные ассоциативные связи.

Таким образом, есть основания полагать, что при допросе очевидцев имеется большая возможность для выявления новых, дополнительных, непосредственно не воспроизведенных деталей воспринятого, чем при допросе иных свидетелей.

* * *

В процессе допроса очевидец, кроме воспринятых им фактов (действий), часто передает высказывания, фразы или отдельные слова, произнесенные в момент происшествия преступником, потерпевшим или другим очевидцем. Правильное уяснение очевидцем смысла сказанного имеет существенное значение для выяснения обстоятельств дела.

При получении показаний очевидца, сообщающего содержание слышанного им разговора, а иногда передающего диалог или речь дословно, необходимо попытаться выяснить тот смысл, который мог быть вложен в это высказывание говорящим, выяснить, правильно ли этот смысл воспринят и передан очевидцем. При совершении преступления, как правило, произносятся не монологи в виде развернутой речи, а отдельные слова, короткие фразы, сопровождающие определенные действия. Неполнота и фрагментарность выражений, рассчитанная на понимание в конкретной ситуации, может стать причиной ошибок в показаниях очевидца. Отдельные слова или фразы в определенной ситуации могут иметь одно значение, а в иной ситуации — другое.

Кроме того, весьма часто при совершении преступлений в общении между собой преступники пользуются словами и выражениями, вкладывая в них свой смысл и значение, отличные от их обычного понимания и этимологического значения. Особой разновидностью подобной формы общения является жаргонная речь.

Поэтому лицу, производящему расследование, или судье как в процессе получения показаний очевидцев, так и в процессе их оценки необходимо выяснить истинный смысл сообщенного очевидцем высказывания и убедиться в адекватном понимании его значения. Чрезвычайно важно установить, что и лицо, дающее показание, и лицо,

воспринимающее его, вкладывали в слова и предложения один и тот же смысл.

Весьма распространенной ошибкой является употребление одного и того же слова или выражения дважды в разных значениях в пределах данной связи предложений. В логике такая ошибка называется эквокацией. Она возникает в результате отсутствия у воспринимающего высказывание достаточной степени осведомленности о том содержании и значении, которое вкладывает в него говорящий. При расследовании по уголовному делу о причинении тяжких телесных повреждений трем подросткам во время групповой драки на одной из площадей Ленинграда очевидцы (в том числе и потерпевшие) на допросе показали, что нападавшие на них подростки были с Невского проспекта, так как один из лиц, наносивших удары ножом потерпевшим, выкрикивал: «Вы на невских?!» Такое предположение в высказывании очевидцев было вполне вероятным, так как Невский проспект начинается от этой площади. Однако в процессе расследования выяснилось, что преступники были не с Невского проспекта, а из Невского района Ленинграда. Различные значения слова «невский» в высказывании и восприятии могли направить розыск преступников только в район Невского проспекта (что представлялось весьма реальным с точки зрения его близости к месту происшествия). Тем не менее при составлении плана расследования была предусмотрена и версия «Невский район», которая оказалась правильной.

Аналогичная ошибка может произойти в тех случаях, когда очевидцы сообщают следователю слышанные ими слова или выражения, являющиеся жаргонными. Зачастую в воровском жаргоне, например, употребляются обычные слова, но смысл в них вкладывается совершенно иной. Таким образом, обычные слова приобретают дополнительный смысл, становятся многозначными. Например, слово «перо», которое в обычной речи употребляется в значении «перо птицы» или «инструмент для письма», на воровском жаргоне означает «нож», «котлы» — «часы», «слесарь» — «квартирный вор, совершающий кражи путем подбора ключа» и т. д.

Уточнение смысла высказывания очевидца — важное тактическое требование при его допросе. Однако формы, в которых это уточнение и уяснение смысла осуществля-

ются следователем, должны быть продуманными и исключать возможность подсказки или внушения. Нам представляются спорными рекомендации В. Е. Коноваловой о способах такого уточнения. Она пишет: «В тех случаях, когда допрашиваемый свидетель испытывает затруднения в формулировании своих мыслей, следователь может помочь ему избрать такие выражения, которые наиболее правильно отражают смысл воспроизводимого. Такие случаи могут иметь место при допросе лиц, являющихся свидетелями наезда, обвала строения и других происшествий, выяснение обстоятельств которых может быть связано со знанием специальной терминологии[1].

Во-первых, на основании чего следователь может сделать вывод о том, какие выражения «наиболее полно отражают смысл воспроизводимого», если само лицо затрудняется в его словесном оформлении? Следователь может это знать из других материалов дела (протоколов осмотра, заключений экспертов, из допросов других лиц). Но он не имеет права таким образом подсказывать сведения, которые сам очевидец ему не сообщил.

Во-вторых, пользование специальной терминологией допустимо при допросе в том случае, если очевидец является специалистом или ему хорошо известно значение того или иного специального термина. В противном случае несоответствие термина тому значению, которое вкладывает в него следователь и очевидец, неизбежно приведет к искажению смысла показаний.

Для установления точного смысла, вкладываемого очевидцем в тот или иной термин, когда речь идет об автотранспортных происшествиях или происшествиях, связанных с нарушением техники безопасности, где очевидец специалистом не является, можно рекомендовать осмотр предметов (орудий, машин, конструкций) с участием специалиста с целью зафиксировать те детали, на которые укажет очевидец, либо произвести проверку и уточнение показаний на месте с участием специалиста (если такая возможность имеется).

---

[1] В. Е. Коновалова, Проблемы логики и психологии в следственной практике, докторская диссертация, Харьков, 1967, стр. 543.

III. ПОКАЗАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕКОТОРЫХ ТИПОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ РАССЛЕДУЕМЫХ СОБЫТИЙ

Показания очевидцев в качестве источников доказательственной информации используют при расследовании различных преступлений. При рассмотрении особенностей формирования показаний вряд ли возможно описать все ситуации, которые могут возникнуть при совершении преступлений и о которых очевидцы могут давать показания.

Исходя из анализа различных категорий дел, при расследовании которых приходится сталкиваться с показаниями очевидцев, можно выделить несколько типовых элементов, которые в различных комбинациях встречаются почти в любом происшествии и сведения о которых всегда интересуют следствие.

Любое происшествие и преступление протекает во времени и пространстве, поэтому выяснение сведений, характеризующих пространственно-временные отношения, составляет одно из обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании каждого преступления (ст. 68 УПК РСФСР).

Сведения о человеке (преступнике или потерпевшем), его внешности, поведении и действиях исключительно важны и наиболее часто выясняются при допросах свидетелей и очевидцев.

Показания очевидцев весьма часто являются источником доказательств при расследовании дорожно-транспортных происшествий и преступлений, связанных с использованием автотранспортных средств.

Так как восприятие пространства, временны́х отношений, человека и его поведения и транспортных средств очевидцами является частным случаем восприятия этих элементов всеми людьми, целесообразно рассмотреть не только особенности восприятия указанных элементов

очевидцами, но и в отдельных случаях их общие закономерности. Некоторые положения, рассматриваемые здесь, могут быть использованы при получении и оценке показаний не только очевидцев происшествия, но и иных свидетелей.

§ 1. Восприятие пространственно-временных отношений

Восприятие пространства

(Острота зрения и восприятие предметов на расстоянии. Влияние цвета предметов на правильность их локализации в пространстве. Влияние внешних факторов на правильность восприятия очевидцев. Локализация предметов в пространстве при помощи слуха. Внешние факторы, влияющие на правильность определения удаленности предметов. Топографическая ориентация очевидцев. Проверка способности очевидца к правильной оценке удаленности объектов. Особенности восприятия пространственных отношений детьми и подростками)

Вопросы об удаленности одного предмета от другого и от свидетеля или очевидца, о направлении движения людей или транспортных средств, о длительности протекания, событий, их хронологической последовательности и т. д. неизбежно встают перед лицом, ведущим расследование.

Источником получения таких сведений часто являются показания очевидцев.

Вопросы о восприятии пространственно-временных отношений подробно рассмотрены в ряде работ советских криминалистов[1].

В процессе расследования большей частью прихо-

---

[1] И. Кертэс, Тактика и психологические основы допроса; А. М. Карнеева, С. Я. Розенблит и С. С. Ордынский, Тактика допроса на предварительном следствии; А. Р. Ратинов, Судебная психология для следователей.

Мы рассматриваем эти вопросы применительно к особенностям формирования представления о пространственно-временных отношениях, главным образом у очевидцев.

дится иметь дело с восприятием пространства, полученным в результате функционирования зрительного и слухового анализаторов.

Человек воспринимает пространство рельефным только на расстоянии 450—500 м. Далее восприятие рельефа исчезает, и о том, какой из предметов, находящихся в этой зоне, расположен ближе, а какой дальше, можно судить, сопоставляя ряд косвенных признаков, например частичное прикрытие одного предмета другим, направление, форму и величину теней, расплывание контуров предметов.

На больших расстояниях величина предметов воспринимается не за счет глубинного зрения, а в основном в результате опознания предмета и сравнения его или с имеющимся представлением о нем, или с другим известным предметом.

Способность воспринимать предметы на расстоянии зависит от остроты зрения человека. Острота зрения или степень видимости объекта, в свою очередь, зависит от величины его изображения на сетчатке, т. е. от угла зрения, от отношения размеров объекта к дистанции наблюдения. В психологии остается невыясненным вопрос, почему при одинаковых углах зрения лучше видны объекты малые и близко расположенные, чем большие и расположенные далеко.

При нормальном зрении и благоприятных условиях наблюдения человек способен различить:

колокольню, водонапорную башню, заводскую трубу — на расстоянии 15—20 км; многоэтажный дом — на расстоянии 8—10 км; одноэтажный дом — на расстоянии 5—8 км; окно в доме — на расстоянии 4 км; переплет рам —400 м; телеграфные столбы, стволы деревьев, километровые столбы на шоссе — на расстоянии 1 км; трубу дома — на расстоянии 3 км; отдельного человека — на расстоянии 2 км; кирпич в стене, листья деревьев — на расстоянии 100 м; автомашину — на расстоянии 3 км; мотоцикл — 2 км[1].

К показаниям о расстояниях, превышающих 1200 м (это предельное расстояние для нормального, специально не тренированного наблюдателя), и размерах пред-

[1] «Военная психология», М., 1967, стр. 49; Г. Д. Луков, К. К. Платонов, Психология, М., 1964, стр. 96—97.

метов, воспринятых на таком расстоянии, нужно относиться с большой осторожностью.

А. А. Смирнов, изучая зависимость остроты зрения от величины объекта и его положения в пространстве, установил, что с увеличением объектов острота зрения становится больше, на белом фоне черные объекты различаются лучше, чем белые на черном (в тех случаях, когда объекты имеют значительные размеры), и что острота зрения при рассматривании объектов в горизонтальном положении выше, чем при рассматривании в вертикальном. Он же установил, что, чем выше контрастность отношения предмета к фону, тем выше острота зрения[1].

При оценке показаний очевидцев об удаленности того или иного предмета необходимо помнить о некоторой иллюзорной зависимости между цветом объекта и кажущимся расстоянием до него. Ярко освещенные предметы или окрашенные в яркие цвета (белый, желтый, красный) кажутся ближе к наблюдателю, чем равноудаленные с ними предметы, имеющие тусклую или темную окраску.

В некоторых случаях представление о размерах предметов оказывает влияние на оценку их удаленности, вследствие чего крупные предметы — здания, группы деревьев — кажутся расположенными ближе, чем предметы более мелкие, хотя и находящиеся с ними на одном расстоянии.

При допросе очевидцев и оценке их показаний лицу, производящему расследование, необходимо помнить об определенной зависимости воспринимаемого цвета объектов от расстояния и фона, на котором эти объекты воспринимаются.

Б. Н. Компанейский, занимавшийся исследованием этого вопроса, установил, что при малых углах зрения (т. е. при удалении предметов) красный цвет на черном фоне воспринимается как оранжевый, а на белом сохраняет свой основной тон. Оранжевый цвет на черном фоне воспринимается как желтый или красный, а на белом фоне — как красный. Желтый цвет на черном фоне

---

[1] См. сб. «Зрительные ощущения и восприятия», М. — Л., 1935, стр. 226—237.

воспринимается как зеленый, а на белом — как оранжевый. Зеленый цвет в тех же условиях воспринимается как желтый или синий, а на белом фоне — как голубой[1].

На точность определения размера предметов может оказывать влияние иррадиация. Иррадиация — это кажущееся увеличение белых объектов на черном фоне по сравнению с объективно равными или черными предметами на белом фоне. Иррадиация возникает вследствие того, что объект, представляющий светящуюся точку, никогда не дает на сетчатке глаза точечного изображения, а всегда — круг светорассеяния. Эта точка будет казаться несколько больше своего действительного размера. Если видимый объект не точка, а светлая фигура на темном фоне, то, вследствие тех же причин, границы ее изображения на сетчатке будут не резкими, а более или менее размытыми.

Однако явление иррадиации, как отметил Б. М. Теплов, для объектов, видимых на близком расстоянии, не имеет практического значения, так как оно слишком мало по сравнению с действительной величиной объекта. Иное дело для объектов, которые человек воспринимает под очень маленьким углом зрения, т. е. на большом расстоянии и при малых абсолютных размерах объекта. В этих случаях «прирост» объекта вследствие иррадиации может быть гораздо больше его действительной величины[2].

Определенный интерес с точки зрения криминалистики представляют данные о восприятии светящихся объектов. Если воспринимаемый объект представляет собой светящуюся точку или светящийся предмет (горящая спичка, свеча, электролампочка, фонарь), то его видимость зависит от яркости объекта. Если яркость очень невелика, то объект будет виден только при достаточно больших угловых размерах (или с близкого расстояния, или при больших размерах объекта). При большой яркости светящийся объект будет виден даже под ничтожно малым углом зрения. Примером этого могут служить

---

[1] Б. Н. Компанейский. Проблема константности цвета и формы, «Ученые записки государственного педагогического института им. Герцена», 1939—1940.

[2] Б. М. Теплов, Пространственные пороги зрения, сб. «Зрительные ощущения и восприятия», М.—Л., 1935, стр. 212—214.

звезды, угловой размер которых бесконечно мал, но яркость чрезвычайно велика, вследствие чего они доступны нашему зрению.

Эта закономерность проявляется при восприятии огней ночью, но полностью сохраняется и в условиях дневного наблюдения.

Гумбольдт установил, что солнечный «зайчик» виден под углом зрения меньше полсекунды (0,43), что имеет практическое значение: «блики», даваемые блестящими поверхностями, могут быть видимы при крайне малых размерах этих поверхностей (обломки металлических предметов, осколки стекла и т. д.). Например, для дистанции наблюдения 1 км угол в полсекунды будет соответствовать объекту размером в 2,5 мм.

Особый интерес для оценки показаний очевидцев о восприятии пространственных отношений представляют сведения о восприятии различных объектов в условиях ограниченной видимости — ночью, в туман, метель, снегопад. Как известно, такие преступления, как убийства, грабежи, разбои, изнасилования, дорожно-транспортные, и ряд других часто совершаются в вечернее и ночное время.

Зрительный анализатор человека, приспосабливающийся к различным условиям, сохраняет относительно высокий уровень восприятия (явление адаптации). Однако пределы его не безграничны, поэтому видимость объектов в условиях ограниченной видимости значительно хуже.

Ограничение способности человека к зрительному восприятию в этих условиях объясняется тем, что: 1) резко падает способность правильно воспринимать предметы, людей; 2) уменьшается острота плоскостного зрения; 3) уменьшается острота глубинного зрения; 4) значительно сокращается, а иногда и полностью выпадает цветовое восприятие; 5) ухудшается узнавание предметов; 6) ухудшается способность ориентироваться; 7) развиваются отрицательные эмоции — страх, растерянность; 8) повышается утомляемость анализаторов и всего организма[1].

Вследствие особенности восприятия зрительным ана-

---

[1] К. Х. Кекчеев, Ночное зрение, М., 1943, стр. 13; его же Психофизиология маскировки и разведки, М., 1942, стр. 43.

лизатором светящихся объектов их видимость ночью остается относительно высокой. Так, костер ночью виден на расстоянии 6—8 км, свет карманного электрического фонаря, отблеск ружейного выстрела, пламя спички — на расстоянии до 1,5 км, огонек папиросы, сигареты — на расстоянии до 500 м.

Приведенные данные ориентировочны и дают представление о средних способностях к восприятию подобных объектов человеком. В восприятии каждого конкретного факта всегда будут проявляться как индивидуальные способности очевидца, так и неповторимые объективные условия, в которых происходило событие. Однако при оценке показаний очевидцев и при решении вопроса о необходимости проведения следственного эксперимента эти данные могут оказаться полезными[1].

Установлено, что ритмические и монотонные раздражители органа слуха понижают чувствительность глаза, адаптированного к темноте. После окончания действия монотонного раздражителя чувствительность быстро восстанавливается[1].

Это следует учитывать следователю при оценке показаний очевидцев о виденных ими событиях в сложных условиях, если очевидец в момент восприятия находился вблизи ритмически действующих приборов.

На остроту зрения в темноте влияют и другие факторы — длительность нахождения в темноте, интенсивность и окраска света в помещении до выхода из него, употребление алкоголя. При длительном нахождении в темноте острота зрения сохранястся значительно дольше, если человек сидит. Значительно снижает остроту ночного зрения утомление организма, сонливость.

Ориентировка в пространстве и определение расположения различных предметов могут осуществляться с помощью слуха.

При допросе очевидцев о направлении звука необходимо помнить, что точность показаний в этих случаях зависит от положения источника звука относительно

---

[1] А. А. Дубинская, О некоторых факторах, изменяющих чувствительность ночного зрения, «Известия АПН РСФСР», вып. 8, 1947, стр. 42—45.

человеческого тела. Наиболее точно дифференцируют направление звука в горизонтальной плоскости. При этом точнее определяют правое направление, а затем — левое. Хорошо воспринимается звук, идущий спереди, но его иногда смешивают со звуком, идущим сзади или сверху[1].

Эти данные, полученные в экспериментальных условиях, не могут быть использованы для нужд криминалистики без определенных коррективов, так как на направление звука в реальной действительности оказывают влияние различные обстоятельства — реверберация, направление ветра, дождь, снег, туман, влажность и т. д.

Все это может отразиться на точности определения места звучащего предмета в пространстве. Чтобы избежать ошибок при допросе, необходимо выяснить у очевидца с исчерпывающими подробностями все обстоятельства, при которых происходило восприятие события, и учесть их при оценке показаний и при организации следственного эксперимента.

При расследовании по делу об убийстве проводился следственный эксперимент для определения слышимости. Свидетель Ч. показала, что в день убийства, 9 августа, в 11 час. 35 мин. она слышала крик о помощи, доносившийся со стороны тропинки. Следственный эксперимент, проводившийся 24 марта, показаний Ч. не подтвердил — крик на расстоянии 400 м слышен не был. Показания Ч. были поставлены под сомнение.

При дополнительном расследовании по делу было установлено, что следственный эксперимент проводили без учета метеорологических условий (24 марта ветер дул в противоположном направлении, чем в день убийства). При новом эксперименте, проведенном в условиях, соответствующих справке метеостанции о направлении ветра в день убийства, каждое слово, сказанное громко на месте преступления, было хорошо слышно.

Точная локализация звука зависит от его высоты и тембра. Низкие и более тембрированные звуки (речь,

---

[1] С. Е. Драпкина, Влияние соотношения длительности и громкости звука на его локализацию, «Вопросы психофизиологии и клиники чувствительности», Л., 1947, стр. 78—80.

шум, выстрел и т. д.) локализуются лучше, чем высокие и чистые по тону.

Относительно высокие показатели в локализации дает громкая речь (из 122 показаний только 17 ошибок), затем шепот (из 35 показаний — 7 ошибок)[1].

Определенная зависимость существует между точностью локализации звучащего предмета в пространстве и положением воспринимающего лица. И. Кертэс отмечает, что для точности восприятия направления звука не безразлично, куда был обращен лицом человек, воспринимающий звук, потому что это имеет решающее значение для определения того, находился источник звука справа или слева, спереди или сзади. Если допрашиваемый показывает, что слышал звук лежа, следует иметь в виду, что такое положение нарушает ориентацию по звуку, за исключением позы на животе.

При допросе очевидцев весьма часто приходится сталкиваться с показаниями о расстоянии, которое определялось ими на слух.

Из данных, имеющихся в литературе, известно, что определение расстояния по звуку происходит путем оценки силы звука, но только в тех случаях, если источники этих звуков и сами звуки по тембру и силе знакомы воспринимающему лицу[2]. В противном случае громкие звуки воспринимаются как более близкие, слабые — как более удаленные.

Д. Элькин и Р. Тагамлицкая, исследовавшие вопрос о возможности определения расстояния по звуку, установили интересную закономерность, выражающуюся в том, что с увеличением расстояния от источников звука определение его по слуху становится более правильным. В их экспериментах ошибки при определении расстояния до звучащего свистка, находившегося от испытуемого на расстоянии 4 м, составили 21,2%, на расстоянии 8 м — 18,8%, 16 м — 5,6%, 20 м — 3,5%. Однако на очень большом расстоянии (более 50 м) эта закономерность не сохранялась.

---

[1] Б. Г. Афанасьев, Пространственное различие, Л., 1955, стр. 81.

[2] С. П. Ржевский, Слух и речь в свете современных физических исследований, М., 1936.

Ошибки в определении расстояния по звуку носят различный характер: большие расстояния недооцениваются, небольшие, напротив, переоцениваются. Сила звука оказывает влияние на определение расстояния: сильные звуки дают минимальную ошибку, на большом расстоянии, слабые — на незначительном[1].

Расстояние по звуку до движущегося предмета определяется значительно лучше, чем до неподвижного.

Для оценки показаний очевидцев о расстоянии, определяемом на слух, необходимо знать усредненные экспериментальные данные о слышимости. Ночью в тихую погоду можно слышать: рубку дров в лесу — на расстоянии до 300 м; треск сучьев — до 800 м; движение грузовой автомашины — до 600—1000 м; выстрел — до 3—4 км; речь человека — на расстоянии 100—200 м[2].

Одним из важных элементов восприятия пространства является топографическая ориентация, т. е. умение человека определять основные пункты, границы, характерные особенности, коммуникации, взаиморасположение отдельных участков местности и местных предметов, а также свое положение относительно их.

Пространственная ориентация очевидцев зависит как от характера местности и знания ее, так и от профессиональной деятельности, а в некоторых случаях и любительских знаний лица.

При допросе об обстоятельствах, связанных с локализацией в пространстве определенного участка местности, всегда обнаруживается неполнота показаний, появляется много ошибочных оценок, искажаются пространственные отношения, образы памяти подменяются образами топографических представлений[3].

При допросе помогают правильно восстановить место происшествия и сориентироваться на местности крупномасштабные карты, планы, схемы, макеты и т. д.

Особое значение приобретает этот способ ориентации в тех случаях, когда местность, на которой нужно лока-

---

[1] Д. Элькин, Р. Тагамлицкая, Определение расстояния по звуку, «Журнал ушных, носовых и горловых болезней», т. 16, № 3, 1939, стр. 195—198.

[2] См. «Военная психология», М., 1967.

[3] А. Р. Ратинов, Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 274.

лизовать определенное событие, не имеет ориентиров, помогающих припоминанию, или когда местность значительно изменилась.

При расследовании уголовного дела о причинении в драке тяжких телесных повреждений Р. на одной из площадей Ленинграда во время праздничного гулянья очевидцы и свидетели при описании места драки указывали на различные участки площади. Дело осложнялось еще тем, что примерно в это же время на площади, недалеко от места первой драки, произошла вторая, и было трудно установить, о какой из этих двух драк говорят свидетели. Необходимо было с максимально возможной точностью установить места обоих происшествий. Понимая, что свидетелям при проверке и уточнении показаний на месте будет трудно ориентироваться на огромной пустой площади, которая во время восприятия ими происшествия была полна людей, следователь избрал другой путь. Были сделаны кальки с крупномасштабного плана этой площади, и при допросе очевидцам было предложено указать крестом место виденного ими происшествия. Оказалось, четверо из допрошенных очевидцев говорили о второй драке, что подтвердилось впоследствии и другими материалами дела.

Ориентировка на местности значительно нарушается при восприятии происшествия в сумерках, ночью, в тумане, при снегопаде. Причиной этого является резкое нарушение психологических и физиологических механизмов пространственного восприятия. Невидимость промежуточных предметов или неправильная оценка их размеров очень сильно нарушают глазомерную оценку расстояний как от наблюдателя до объекта, так и между объектами.

При допросе очевидцев о пространственных отношениях иногда следует проверять их способность к правильной оценке удаленности тех или иных объектов. Целесообразно устанавливать наличие таких способностей с помощью проверки и уточнения показаний на месте или в ходе следственного эксперимента. Выбирать следственное действие следует исходя из особенностей конкретного дела.

Правильная топографическая ориентировка очевидцев, их показания о взаимном расположении предметов

и объектов в помещении или на местности зависят не только от представления о них, сохранившегося в памяти, но и от положения собственного тела в момент воспроизведения или точного представления о положении тела.

В опытах, проведенных Ф. Н. Шемякиным, ставилась цель проверить степень влияния на пространственные представления восприятия человеком положения своего тела по отношению к окружающим предметам. Испытуемый находился в комнате, хорошо известной ему по прежнему опыту. Он должен был три раза с закрытыми глазами описать расположение предметов в комнате — два раза из положения «до» и «после» поворота на 180 градусов вокруг вертикальной оси (условно «лицом» или «спиной» к окну), а третий раз — только при мысленном повороте. Характер описания расположения предметов при третьем описании (при «мысленном повороте») разительно отличался от двух первых. При «мысленном повороте» испытуемые отмечали, что они могут «словесно описать» расположение предметов, но не могут себе их представить.

Эти опыты свидетельствуют о том, что пространственные представления человека связаны с восприятием своего тела в пространстве в непрерывном контакте с внешней средой. Иными словами, они нуждаются в непрерывном притоке информации, говорящей о том, изменилось или нет положение тела человека, являющегося их носителем[1].

Из сказанного ясно, насколько полнее и качественнее мы получаем информацию от очевидца, допрашивая и уточняя его показания на месте происшествия. Определенное положение тела очевидца при проведении указанного следственного действия относительно топографических ориентиров или предметов в помещении в значительной степени облегчает для него процесс припоминания и дает возможность быстрее и с наименьшими потерями восстановить в памяти и передать следователю детали и обстоятельства, воспринятые им в момент преступления. В его сознании произойдет как бы наложение

---

[1] Ф. Н. Шемякин, О связи пространственных представлений с восприятиями, сб. «Проблемы восприятия пространства и времени», М., 1961, стр. 87—89.

зрительного образа местности или помещения, воспринимаемого в момент следственного действия (очевидец показывает свое положение и место, откуда он наблюдал событие, демонстрирует позы и движения свои и подозреваемых лиц и т. д.), со зрительным представлением, запечатленным в его памяти. Это в значительной степени облегчит очевидцу задачу реконструкции в памяти и передачу следователю имеющейся у него информации.

Психологи, исследовавшие закономерности визуальной оценки пространственных отношений, отмечали типичные ошибки, выразившиеся в недооценке маленьких объектов и расстояний и переоценке больших. Тем не менее знание общих закономерностей протекания каких-то психических процессов у людей не освобождает следователя от обязанности в каждом отдельном случае тщательно изучить условия восприятия и проверить наличие определенных навыков у очевидца, особенно если его показания имеют существенное значение для дела.

Определенный интерес для криминалистики представляет вопрос о восприятии пространственных отношений детьми и подростками. Первоначальная оценка величины и расстояния детьми не может быть точной потому, что у них еще недостаточно устойчиво представление о величине мер — метр, дециметр, сантиметр и др.

Н. М. Яковлева отмечает, что на дифференцировку величины объекта у детей влияет направление, в котором производится глазомерная оценка: в горизонтальном направлении она более точная, чем в вертикальном.

Одним из условий точной оценки величины и расстояния в мерах является устойчивое и точное представление о величине мер, в которых определяется размер предмета и расстояние.

У детей семилетнего возраста первоначальные оценки небольших расстояний в метрах даже приблизительно не отражают действительную величину: расстояние в 12 м определялось ими в 5 и 100 м. Однако, по мере усвоения ими понятий о мерах и технике измерения с помощью линеек, рулеток, точность определения расстояний и величины предметов значительно повышается.

Н. М. Яковлева отмечает две особенности:

1) первоначальная оценка детьми расстояний и вели-

чины характеризуется значительным уменьшением этих предметов и расстояний;

2) оценки крайне неустойчивы — один и тот же предмет получает различную количественную оценку или из двух различных предметов (при последовательном раздельном предъявлении) меньший оценивается большей величиной, а больший — меньшей[1].

Сказанное нужно учитывать и при допросе малолетних очевидцев, и при оценке их показаний: необходимо уточнить, каким конкретно содержанием наполняет очевидец свой ответ, изучал ли он в школе или дома меры длины, проводил ли измерение, предложить ему оценить размер того или иного предмета или расстояние и т. д.

Если показания такого очевидца имеют существенное значение для дела, необходимо провести следственный эксперимент или уточнить его показания на месте происшествия, а возможно и психологическую экспертизу.

Восприятие времени

Вопрос о длительности протекания того или иного события и локализации его во времени, о последовательности отдельных элементов происшествия возникает при допросе любого очевидца.

Ориентировка человека во времени часто представляет определенные трудности. Это наблюдается тогда, когда приходится определять место того или иного события в прошлом, оценивать длительность значительного промежутка времени, связывающего между собой отстоящие на значительном расстоянии моменты, когда необходимо локализовать в будущем предполагаемые события или определить длительность пережитого события.

В психологии различают три способа восприятия, переживания и оценки времени человеком: хронометрию, хроногнозию и хронологию.

Хронометрия — это опосредствованное восприни-

---

[1] Н. М. Яковлева, Развитие пространственных представлений в процессе усвоения мер длины у учащихся 1—2 классов, автореф. канд. дисс., Л., 1955.

ятие времени с помощью средств, служащих для его измерения, — часов, секундомеров.

Хронология — это такое переживание времени, которое получает свое объективное выражение благодаря соответствию общим для всех событиям: временам года, дням недели, явлениям в природе, социальным фактам.

Хроногнозия — это непосредственное переживание длительности явления[1].

И. Кертэс подробно исследовал значение указанных видов восприятия времени в процессе расследования преступлений, показал типичные ошибки при оценке временных отношений, способы актуализации связей и восстановления в памяти последовательности и длительности определенных промежутков времени[2].

Нам представляется необходимым остановиться более подробно только на одном виде восприятия времени — хроногнозии, так как в восприятии очевидцев она является основным способом субъективной оценки времени.

Воспринимаемое очевидцем событие всегда является действием, нарушающим естественный ход событий и тем самым привлекающим к себе внимание. Более того, это событие всегда оказывает на очевидца определенное и, как правило, отрицательно окрашенное эмоциональное воздействие. Поэтому в подавляющем большинстве случаев при допросе очевидцев встает вопрос не о локализации этого происшествия во времени, а о его начале и конце, т. е. о длительности происшествия и последовательности отдельных его моментов.

При непосредственном восприятии времени в обычных условиях наблюдается та же закономерность, что и при восприятии пространства. Значительные промежутки времени недооцениваются, а небольшие — переоцениваются. В экспериментах Д. Элькина движение продолжительностью в 3 сек. переоценивалось без исключения всеми испытуемыми, в 15 сек. — только 40%, а 50% не-

---

[1] См. К. А. Скворцов Расстройства восприятия времени у душевнобольных, «Советская невропатология, психиатрия, психогигиена», т. IV, вып. 3, 1935.

[2] И. Кертэс, Тактика и психологические основы допроса, стр. 61—73.

пытуемых недооценивали его. Эта же тенденция наблюдалась по мере увеличения предъявляемых промежутков[1].

Значительная длительность события после небольшой длительности оценивается как большая, небольшая же после продолжительной — как меньшая[2].

Для криминалистики представляет интерес вопрос о влиянии эмоционального состояния на восприятие и оценку времени очевидцами, воспринимающими событие происшествия или преступления со стороны или переживающими его непосредственно.

В общепсихологическом плане исследованием этого вопроса занимался Д. Г. Элькин. Он изучил восприятие и оценку временных интервалов 60 испытуемыми (студентами вузов и техникумов) в возрасте от 19 до 32 лет (30 мужчин и 30 женщин).

Чтобы изучить влияние эмоционального состояния на оценку времени в различных условиях, испытуемым предлагалось определить длительность в 3, 5, 15, 30 и 60 сек. перед экзаменом, в состоянии ожидания, нетерпения, и затем на выпускном вечере, когда у них преобладали положительные эмоции.

В первом случае все без исключения испытуемые переоценивали предъявляемые интервалы времени, а во втором — недооценивали его. Во время переживания отрицательно окрашенных эмоций 3 сек. оценивались как 7; 5 — как 11; 30 — как 41. Напротив, переживание приятных эмоций резко сокращало субъективную оценку времени: 15 сек. оценивали как 10; 30 — как 21, а 60 — как 39 сек.

При совершении разбойного нападения на квартиру Г. преступники под видом работников райжилуправления вошли в квартиру, связали хозяйку и, угрожая ей оружием, забрали деньги и ценности. И хотя материалами расследования было точно установлено, что преступники находились в квартире около 15 мин., потерпевшая утверждала, что все это длилось более часа.

Д. Г. Элькин объясняет причину такого влияния эмо-

---

[1] Д. Г. Элькин, указ. работа, стр. 132—143.

[2] Э. Альтавилла отмечает проявление этой же закономерности при последовательной оценке и значительно больших интервалов. Он же пишет, что интервал до 1 мин. переоценивается, от

ционального состояния на определение временных интервалов следующим образом: когда на человека действует раздражитель, вызывающий положительные эмоции, у него возникает установка на то, чтобы этот приятный для него момент продолжался подольше. В тех же случаях, когда на человека действует раздражитель, окрашенный в отрицательные тона, установка носит противоположный характер, человек старается как можно скорее избавиться от тех воздействий, которые причиняют ему неприятные переживания.

В связи с многократными повторениями ситуаций между эмоциональным состоянием, с одной стороны, и определенной установкой — с другой, складывается временная связь.

Установка на медленное течение времени при положительной эмоции и на его быстрое течение при отрицательной возникает как условный рефлекс. Этим и объясняется влияние положительных и отрицательных эмоций на отражение длительности времени[1].

Именно в силу того, что это явление носит условнорефлекторный характер, мы можем распространить результаты, полученные в экспериментальных условиях, на объяснение закономерностей восприятия времени в реальных обстоятельствах совершения преступления.

Любое преступление вызывает у воспринимающих его людей самые различные эмоциональные переживания, и, как правило, это переживания отрицательной эмоциональной окраски — испуг, страх, негодование, ненависть, жалость, стыд и т. д. Указанная закономерность является одним из обстоятельств, приводящих очевидцев к ошибкам в оценке длительности происшествия.

Другой весьма важный фактор, оказывающий влияние на оценку временных отношений в условиях восприятия преступления или происшествия, — это направленность внимания очевидца.

В результате экспериментов Д. Г. Элькин пришел к выводу о том, что направленность внимания, сосредоточенность лица на длительности раздражителя значитель-

---

10 до 75 мин. — недооценивается (см. E. Altavilla, «Judiciaire psichologie. Paris, 1961, s. 92).

[1] Д. Г. Элькин, Восприятие времени и эмоциональные состояния человека, сб. «Вопросы психологии личности», М., 1960.

но повышает точность его оценки. Лица, по роду своей деятельности связанные с оценкой временных интервалов (фотограф, спортсмен и др.), определяют их значительно точнее[1].

В тех же случаях, когда внимание человека сосредоточено не на длительности события, а на восприятии каких-то действий людей и когда к этому присоединяются другие факторы, например чувство ожидания или отрицательные эмоции, точность восприятия и оценки времени резко падает.

На это обращает внимание и известный итальянский криминалист Э. Альтавилла. Он пишет: «Наше внимание может быть направлено на восприятие самого факта, а может иметь своим предметом восприятие времени длительности этого факта, его меру. При прочих равных условиях во втором случае длительность меры времени воспринимается как бо̀льшая. Кроме того, надо помнить, что в первом случае суждение о времени является отсроченным, оно делается уже после того, как произошло событие; во втором случае оно фиксируется непосредственно, одновременно с происходящим событием, что влечет продолжительное возбуждение, напряжение внимания, которое и создает впечатление большей длительности»[2].

Именно с явлением полного поглощения внимания очевидца восприятием происшествия и отвлечения его от специального сосредоточения на длительности происходящих событий мы и сталкиваемся при расследовании преступления.

Следует отметить, что субъективная оценка времени существенно зависит от того момента, когда лицу приходится ее производить непосредственно, в относительно короткий период времени после воспринятого события, продолжительность которого требуется определить, или спустя значительное время.

При непосредственной оценке длительности отрицательно эмоционально окрашенных происшествий наблюдается тенденция к их переоценке.

Субъективная оценка длительности происшествия

---

[1] Д. Г. Элькин, Восприятие времени, сб. «Психологическая наука в СССР», т. 1, М., 1959, стр. 199.

[2] E. Altavilla, Judiciaire psichologie, Paris, 1961, s. 97.

при отсроченном допросе будет зависеть от количества воспроизводимых очевидцами подробностей и элементов происшествия: чем больше он их вспомнит при допросе, чем больше времени займет воспоминание и рассказ о происшествии, тем вероятнее возможность переоценки действительной длительности события. Если же очевидцу не удается вспомнить подробности происшествия, то он зачастую занижает длительность события.

При первичном допросе очевидца спустя значительное время после восприятия им происшествия определение длительности этого происшествия, напротив, будет иметь тенденцию к недооценке.

В последнем случае это объясняется еще и тем, что при воспоминании интервалы времени, заполненные важными событиями, оцениваются как прошедшие очень быстро, а промежутки времени, в которые никаких существенных событий не произошло, воспринимаются как длинные.

В психологической литературе имеются довольно противоречивые мнения о влиянии алкоголя на восприятие времени человеком.

Результаты исследований Д. Г. Элькина и Т. А. Козиной по методике проведения экспериментов и выводам, на наш взгляд, наиболее интересны с точки зрения изучаемого вопроса.

Испытуемому было введено 100 см³ алкоголя 96%: До введения алкоголя испытуемый при определении длительности интервалов в 5, 10, 15, 30 и 60 сек. давал типичную картину — маленькие интервалы переоценивались, большие — недооценивались. Через 20 мин. после введения алкоголя испытуемый систематически недооценивал все интервалы. Спустя час после приема алкоголя он переоценивал все интервалы.

Авторы исследования объясняют приведенную закономерность тем, что действие алкоголя на мозг, в основном, складывается из двух стадий — стадии возбуждения и стадии торможения. Состояние возбуждения, вызываемое алкоголем в начале опьянения, характеризуется недооценкой времени, состояние торможения, наступающее спустя определенный промежуток времени, дает ярко выраженную картину его переоценки[1].

---

[1] Д. Г. Элькин, Т. А. Козина, О влиянии алкоголя на отсчет времени, «Вопросы психологии» 1966 г. № 2.

По нашему мнению, результаты обследования одного человека не дают основания распространять их на все случаи оценки показаний лиц о восприятии временных интервалов. Кроме того, согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства лицо можно допрашивать только в трезвом состоянии, а следовательно, оно будет высказывать свои суждения о продолжительности тех или иных временных отрезков не на основании непосредственных восприятий, а на основании представлений, по памяти.

В эксперименте же фиксировались результаты непосредственной оценки времени. Однако, несомненно, восприятие и оценка продолжительности событий, зафиксированных лицом в состоянии опьянения, неизбежно отразятся и на последующей оценке им длительности события. Практика расследования показывает, что очевидцы, находившиеся в момент восприятия события в состоянии опьянения, значительно чаще допускают ошибки в оценке временных интервалов.

Знание этих закономерностей может оказать помощь следователю в выборе тактики допроса и при оценке показаний очевидца, находившегося в момент восприятия происшествия в нетрезвом состоянии.

Восприятие и оценка времени детьми проходит несколько этапов, характеризующихся последовательным улучшением способности к адекватной оценке временных интервалов. С. Н. Шабалин, наблюдая детей 1—7 классов, отметил, что их оценка интервалов в 1, 5, 10 и 15 мин. с возрастом становится все более адекватной[1]. Эта же закономерность подтверждается и следственной практикой.

Оценка длительности прошлого у детей зависит от количества воспроизводимых событий: чем их больше, тем большей кажется длительность прошлого, прошлое, небогатое событиями, оценивается как явление небольшой продолжительности.

Отражение длительности прошедших событий у детей определяется связностью воспроизводимых событий: чем она ярче выражена, тем правильней оценка време-

---

[1] С. Н. Шабалин, Развитие понимания реального значения единиц времени у школьников 1—7 классов, «Ученые записки Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена», т. 96, 1954.

ни. Существенную роль при этом играют моменты, непосредственно относящиеся к временной характеристике событий: начало и конец их, вехи, указывающие на время событий, их последовательность.

При допросе очевидцев о длительности протекания событий следователю необходимо уточнять, на основании чего допрашиваемый приходит к выводу о длительности того или иного события. Однако в силу автоматизма протекания мыслительных процессов очевидец, оценивая тот или иной промежуток времени, особенно при восприятии быстротечных событий, зачастую не может указать тех конкретных чувственных данных, на основании которых он строит свой вывод.

При оценке длительности таких быстротечных событий, как наезд или столкновение транспортных средств, ограбление способом «рывка», нанесение телесных повреждений в драке и ряд других, недифференцированная, одномоментная оценка длительности события типична.

Поэтому мы не можем согласиться с мнением И. Кертэса о том, что умозаключение о длительности протекания того или иного события не имеет доказательственного значения, если свидетель не называет конкретные факты, на основании которых он пришел к определенному умозаключению[1].

Требование приведения подобных фактов правомерно для такого вида оценки времени, как хронометрия и хронология, когда события растягиваются на длительный период и вследствие этого дискретные части действительности могут быть дифференцированы и распределены во времени. Например, очевидец показывает, что незадолго до какого-то события он посмотрел на часы или слышал по радио сообщение о времени, или последовательно называет ряд событий, каждое из которых было уже локализовано во времени, и на основании этого приходит к выводу о времени совершения расследуемого события.

При непосредственном же переживании эмоционально напряженных и быстротечных событий приведение фактов, позволяющих сделать вывод о длительности протекания события, затруднительно. Умозаключение

[1] И. Кертэс, указ. работа, стр. 66.

очевидца в этом случае, несомненно, имеет доказательственное значение, но оно, как и любое доказательство, требует проверки.

Вызывает возражения и другая рекомендация этого автора. «Если следователю нужно установить длительность каких-то быстротечных событий, то рекомендуется поступать следующим образом: взять в руки секундомер и предложить допрашиваемому в своем воображении как бы заново пережить данное событие, причем начало и конец сигнализировать, например, постукиванием карандаша по столу. После измерения этой длительности, допрашиваемому задается вопрос, как он оценивает данный промежуток времени в секундах»[1]. Далее автор утверждает, что такая методика дает объективную картину длительности времени и в то же время ориентирует следователя о способностях допрашиваемого выражать свои восприятия времени в единицах измерения его.

Прежде всего вызывает возражение предложение автора производить во время допроса какие-то действия, не оформляя их процессуально. Подобная трудовая операция «внепроцессуального» характера не имеет никакого доказательственного значения. Если же ее рассматривать как своеобразный «усеченный» следственный эксперимент, то нарушение процессуальных и тактических правил здесь настолько очевидно, что не требует комментариев.

Рекомендации И. Кертэса вызывают возражения и с естественнонаучных позиций. Во-первых, отсутствие вариантности и многократности лишает этот опыт экспериментального характера; во-вторых, не ясно, чему должен способствовать этот опыт — обнаружению ли способности правильно воспроизводить воспринятые промежутки времени или давать их правильную ретроспективную словесную оценку — и что здесь предлагается исследовать — память допрашиваемого или его способность к оценке временных интервалов.

Помимо сказанного, необходимо отметить, что рекомендация «как бы заново пережить» воспринятое вносит в оценку времени некоторые коррективы (а возможно, и ошибки), так как эмоциональные состояния

[1] И. Кертэс, указ. работа, стр. 64.

лица во время допроса и во время происшествия, как правило, различаются.

Высказанные соображения не дают возможности согласиться с тезисом И. Кертэса о том, что «метод проверки показания не препятствует проведению позднее следственного эксперимента с целью установления способности субъекта вообще определять длительность и выражать в единицах измерения времени»[1].

Дело в том, что описанный И. Кертэсом «метод проверки показания» допрашиваемый также воспринимает и запоминает как объективное обстоятельство. К этому следует добавить, что этот «опыт» ближе по времени к производству следственного эксперимента, чем событие, о котором даются показания, и что условия на допросе были ближе к условиям следственного эксперимента, чем действительные события, длительность которых оценивается.

Изложенное позволяет высказать опасения о достоверности такого следственного эксперимента, которому предшествовали указанные И. Кертэсом внепроцессуальные опытные действия. На наш взгляд, единственным реальным путем установления интересующих следствие временных интервалов является допрос очевидца с последующим проведением следственного эксперимента.

§ 2. Восприятие внешности человека и его действий очевидцами

(Общие закономерности восприятия внешних признаков человека. Индивидуальные и возрастные особенности восприятия внешних признаков человека. Влияние установки. Восприятие и оценка роста человека. Особенности оценки роста детьми и подростками. Влияние одежды на оценку роста. Определение возраста. Особенности оценки возраста детьми и подростками. Восприятие голоса и речи. Описание внешности человека очевидцами в процессе допроса. Проверка способности очевидца к правильному восприятию и описанию цветов одежды)

Необходимость в описании внешности человека возникает при расследовании подавляющего большинства

[1] И. Кертэс, указ. работа, стр. 64.

преступлений. Это связано с тем, что часто требуется описать не только приметы преступника или лица, подозреваемого в совершении преступления, но и внешность потерпевшего или иного лица, которое воспринимал очевидец в связи с расследуемым событием.

При рассмотрении вопроса о восприятии очевидцем других людей в процессе формирования его показаний мы в основном пользуемся данными, полученными психологами. Но здесь необходимо учитывать, что психологи проводили эксперименты в условиях, отличных от тех, в которых происходит восприятие внешности людей при совершении преступления. Однако в экспериментальных работах психологов изучаются общие закономерности процесса восприятия, которые будут проявляться в любых условиях. Речь следует вести только о качестве реализации процесса восприятия, об объеме признаков, фиксируемых при эксперименте и в действительности, о характере потерь и искажении информации и т. д.

Действие эмоций несомненно оказывает влияние на интеллектуальную деятельность, однако не настолько, чтобы очевидец потерял способность более или менее правильного отражения действительности.

Сочетание данных психологии, разрабатывающей общие закономерности восприятия человека, и следственной практики, в которой эти закономерности подвергаются определенным коррективам, может служить базой как для теоретического обобщения, так и для следственной и судебной деятельности.

Восприятие внешнего облика человека очевидцем зависит как от объективных условий наблюдения (времени года, суток, погоды, фона, освещения, положения по отношению к объекту наблюдения), так и от субъективных (состояния органов зрения, навыков наблюдения, профессиональных и возрастных особенностей и т. д.).

В условиях хорошей видимости люди с нормальным зрением выделяют человека из окружающей обстановки на расстоянии 2 км. Общий контур человека они способны зафиксировать на расстоянии 1 км, движение рук и ног на расстоянии 700 м. На расстоянии 400 м они уже различают головной убор, на расстоянии 300 м — голову и плечи, овал лица, цвет одежды. Лицо и кисти рук фикси-

руются на расстоянии 200 м, глаза — на расстоянии 60 м, нос и пальцы — на расстоянии 20 м[1]. В условиях ограниченной видимости в пасмурный день эти показатели значительно снижаются.

А. А. Бодалев отметил ряд положений, свидетельствующих о том, что для отражения участниками эксперимента каждого из названных признаков всегда был характерен определенный путь развития. Так, все без исключения испытуемые преувеличивали рост человека, когда он находился от них на большом расстоянии, и только по мере его приближения вносили коррективы. Цвет одежды наблюдаемого человека всеми испытуемыми при большом расстоянии наблюдения определялся как черный. По мере приближения происходила дифференциация цвета, при этом цвета одежды, относившейся к верхней половине фигуры, распознавались раньше, чем цвета одежды, относившейся к нижней половине. Во внешнем облике человека, медленно приближавшегося к испытуемому, в первую очередь правильно воспринимались цвета крупных компонентов фигуры.

Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что разница в индивидуальном восприятии весьма значительна. Некоторые испытуемые замечали отсутствие пальто на человеке на расстоянии с разницей в 210 м, а цвет пиджака и брюк—с разницей соответственно в 240 и 180 м. Разница в расстоянии при фиксировании такого существенного признака человека, как рост, была равна 150 м, цвет волос — 210 м, прическа — 250 м, цвет обуви — 120 м и т. д.

Индивидуальные различия в восприятии должны учитывать следователи и судьи при получении показаний и их оценке. При получении противоречивых данных следователю необходимо детально допросить очевидца о тех условиях, в которых он наблюдал определенного человека: расстояние до него, освещение, ракурс наблюдения (с определенного этажа дома, с земли, с

---

[1] А. А. Бодалев, Восприятие и понимание человека человеком, докт. дисс., Л., 1965, стр. 146. В настоящем параграфе при дальнейшем изложении мы будем пользоваться экспериментальными данными, полученными А. А. Бодалевым.

автомашины, с возвышения, сидя, стоя, лежа и т. д.) — и, сопоставив полученные сведения с другими материалами дела, попытаться выяснить причину таких разногласий.

Различия в индивидуальном восприятии события очевидцами должны учитываться следователем и при решении вопроса о необходимости проведения следственного эксперимента. С другой стороны, приведенные очевидцем данные могут быть использованы следователем для предварительной оценки правильности его показаний о расстоянии, с которого он наблюдал происшествие, и его способности к правильному восприятию пространства. Если, например, очевидец говорит, что ясно видел пальцы рук человека на расстоянии в 100—120 м, то у следователя должно возникнуть сомнение в возможности видеть на таком расстоянии пальцы рук или появиться предположение, что очевидец неправильно определяет расстояние.

Весьма существенное влияние на восприятие внешнего облика и поведения может оказать установка, т. е. направленность сознания воспринимающего лица. В советской психологической литературе под установкой понимается своеобразная готовность воспринимать предмет или явление определенным образом, обусловленная непосредственно предшествующими восприятиями или, в более широком социальном плане, предшествующим опытом. Установка, как правило, проявляется бессознательно. Например, на основании установки, созданной ситуацией опасности, у очевидца появляется готовность-установка избежать эту ситуацию. Когда реализация подобной установки не удается в действительности и одновременно с этим активность сознания понижается, реализация установки совершается в сфере фантазии, где возникают преувеличенные образы (о силе преступника, реальности его угроз, опасности его действий для жизни, здоровья или имущества), оправдывающие ее. В состоянии страха возрастает возможность внушения и самовнушения[1]. При совершении преступления установка может быть продиктована как

---

[1] См. Д. Н. Узнадзе, Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961, стр. 146; А. С. Прангишвили, Ис-

действиями лица (правильно или ошибочно понятыми), так и характером всей ситуации. В связи с тем, что восприятие очевидца является осмысленным, в формирующийся образ воспринимаемого лица могут быть привнесены обобщенные знания о какой-то категории людей и эти знания, в свою очередь, будут распространены на конкретное лицо.

Установка может оказать влияние на процесс и результат восприятия не только тогда, когда она специально вырабатывается, но и в тех случаях, когда она возникает как результат восприятия непосредственно предшествующих преступлению событий, определенной ситуации. При расследовании дела по обвинению К., совершившего более двадцати ограблений женщин на территории г. Ленинграда, бросилась в глаза одна особенность: в тех случаях, когда К. предварительно знакомился с потерпевшей, шел ее провожать и уже позднее, на лестнице дома, совершал нападение, все потерпевшие, описывая его внешность, показывали, что это был молодой человек «с приятными чертами лица», слегка вьющимися, пышными волосами, среднего роста, В тех же случаях, когда он выслеживал свою жертву на улице, догонял в подъезде, наносил удар и забирал ценности, потерпевшие показывали, что это был мужчина средних лет, высокий, с неприятными чертами лица, «зверским» выражением и растрепанными, торчащими в разные стороны волосами.

Ошибки в показаниях относительно внешних признаков лица могут возникнуть вследствие того, что благодаря понятию, слову или представлению в образ воспринимаемого человека включается содержание, не данное непосредственно в акте восприятия. Это содержание может действительно наличествовать у лица, но может быть ему и не присуще.

Фиксирование тех или иных элементов внешних признаков лица очевидцами зависит от двух обстоятельств— от индивидуальности, выразительности внешности человека или отдельных элементов ее и от манеры, характера индивидуального восприятия конкретного очевидца.

следования по психологии установки, Тбилиси, 1967, стр. 276—277; И. С. Кон, Социология личности, М., 1967, стр. 27.

Первая особенность проявляется в том, что при описании внешности одного и того же человека различные очевидцы отмечают одни и те же признаки. Эта закономерность объясняется особенностями, присущими внешности воспринимаемого человека.

Как общую закономерность можно отметить и то обстоятельство, что большинство очевидцев отмечают во внешнем облике те особенности, которые являются отклонением от «образцов», принимаемых этими людьми за норму.

Индивидуальная манера восприятия очевидца — существенное обстоятельство, определяющее качество восприятия и объем фиксируемых признаков. Она включает опыт, профессиональные знания, интересы и установки конкретной личности, определяя избирательность ее внимания, восприятия и запоминания.

На зависимости объема и характера восприятия внешних признаков человека от возраста очевидца и его развития необходимо остановиться особо.

А. А. Бодалев специально исследовал вопрос о тенденциях изменения объема и качества информации о внешности человека в следующих возрастных группах: 7—8, 10—11, 11—12, 13—14, 14—15, 17—18 лет и в возрасте от 21 до 26 лет.

Он установил три закономерности:

1. С возрастом при словесном описании внешности воспринимаемого человека все более часто включаются элементы, образующие физический облик (рост, лицо, одежда и т. д.). К 21—26 годам они возрастают в 2,2 раза по сравнению с возрастом 7—8 лет.

2. С возрастом при воссоздании облика человека в его портрет все чаще включаются элементы выразительного поведения — черты экспрессии (мимика, жестикуляция, осанка, походка). В группе испытуемых 21—26 лет по сравнению с 7—8-летними они возрастают в 3,6 раза.

3. С возрастом неуклонно уменьшается включение в портрет описываемого человека элементов, образующих оформление внешности (одежда, прическа, обувь, значки и т. д.). В группе испытуемых 21—26 лет по сравнению с детьми 7—8 лет оно уменьшается в 14,9 раза.

Проведенные эксперименты приводят к мысли о том,

что для различных возрастных групп очевидцев более значимы различные элементы внешности человека. Это имеет существенное значение для выработки тактики допроса очевидцев разных возрастов и для правильной оценки их показаний.

Какие практические выводы можно сделать из экспериментов, проведенных А. А. Бодалевым?

Для очевидцев в возрасте 14—15 лет и всех взрослых свидетелей физические признаки внешности — рост, телосложение, элементы лица, волосы и прическа — являются весьма значимыми элементами при восприятии других людей и вследствие этого чаще и правильнее фиксируемыми.

Для детей в возрасте 7—8 лет и подростков до 14 лет эти признаки менее значимы и четко фиксируются значительно реже. Восприятие и оценка роста для них является сложной задачей, и в подавляющем большинстве случаев (особенно для 7—8-летних) они решают ее неправильно.

Функциональные признаки человека — мимика, жестикуляция, осанка, поза, походка, голос и речь — лучше воспринимаются, фиксируются и понимаются с 17—18 лет. Дети и подростки младшего возраста отмечают их только в случае отклонений от нормы.

Что же касается признаков оформления внешности — одежды, обуви и прочих предметов, то эти элементы оказываются наиболее значительными для детей, начиная с 7—8 лет, и значимость их сохраняется до 14—15 лет. Для юношей и девушек в возрасте 17—18 лет и взрослых эти признаки перестают быть существенными, воспринимаются и фиксируются плохо.

Для следователя выяснение индивидуальной манеры восприятия имеет весьма существенное значение, так как это дает ему возможность более правильно оценить показания очевидца при описании им внешности человека. Знание общих закономерностей в этом случае дает следователю возможность получить представление об особенностях восприятия человека, что, однако, недостаточно для оценки показаний конкретного очевидца.

Рост человека имеет существенное криминалистическое значение и является одним из элементов внешности человека, который фиксируется в подавляю-

щем большинстве описаний взрослых людей. Однако необходимо отметить, что определение роста человека исключительно субъективно и дает значительное количество вариаций.

Если большое количество ошибок при оценке роста, допускаемых очевидцами преступления можно объяснить необычностью ситуации, эмоциональным напряжением и другими факторами, то значительное количество ошибок в условиях эксперимента при определении роста человека этим объяснено быть не может.

В криминалистике рост до 155 см определяется как очень низкий, до 160 — как низкий, до 165 см — ниже среднего, 168—170 см — средний, 170—175 см — выше среднего, до 185 см — высокий и свыше 185 см — очень высокий. Для женщин эти размеры соответственно меньше на 8—10 см.

В экспериментах по определению роста, проведенных на кафедре психологии ЛГУ, было получено 113 оценок роста 20 человек. Их рост определялся по принятой в антропологии рубрикации (по Мартину), которая соответствует системе определения роста в криминалистике, за исключением крайних позиций — «очень низкий» и «очень высокий». Из этих 113 оценок роста мнения совпали только при оценке роста двух человек, рост которых был определен как большой. Во всех остальных случаях единого мнения у испытуемых не оказалось.

Характер ошибок в экспериментах был самый различный. Часто испытуемые, оценивая рост одного и того же человека, имея в виду одну и ту же абсолютную величину, использовали разные обозначения. Так, например, рост 153 см оценивался двумя испытуемыми как низкий, одним — как ниже среднего и тремя — как средний. Рост человека в 165 см оценивался двумя испытуемыми как низкий, одним — ниже среднего, а пятью — как средний. Другая часть, напротив, употребляла одинаковые обозначения, имея в виду различную абсолютную величину.

В эксперименте, проведенном нами со слушателями Высшей школы МВД СССР, из 48 человек, участвовавших в нем, определили рост одного человека как средний 30 испытуемых, ниже среднего — 6, выше среднего — 1. В тех случаях, когда испытуемые определяли

рост и в сантиметрах и по рубрикации, обнаружилось, что понятия «средний», «ниже среднего» и т. д. они наполняли разным содержанием. Так, испытуемый З. определил рост в 168 см как «ниже среднего», а испытуемые Р., В. и А. отнесли к среднему росту соответственно рост в 160—165, 165—168 и 167—170 см. Таким образом, к среднему росту оказался отнесенным рост от 160 до 170 см.

Эти ошибки типичны и при допросе очевидцев, так как разные очевидцы с тем или иным понятием о росте могут связывать различные абсолютные величины. В одних случаях очевидец может пользоваться терминами принятой в обиходе классификации, подразумевая под ними меньшую длину, чем принято, в других — наоборот.

Однозначного объяснения указанные факты не имеют. Одни психологи считают, что ошибки в оценке роста связаны с ростом лица, производящего оценку: высокие люди склонны недооценивать рост людей, меньший, чем их собственный, а люди небольшого роста, напротив, преувеличивают рост других людей. Однако это мнение во многих случаях не подтверждается — высокие люди переоценивают рост людей ниже себя, а люди маленького роста «занижают» рост людей выше себя.

В некоторых случаях оценка роста других людей прямо зависит от собственной оценки роста. В частности, люди низкого роста, но субъективно оценивающие его как средний, могут людей такого же роста оценивать с завышением их действительного размера[1].

Отсутствие закономерности в определении роста людей может быть объяснено тем, что в повседневной жизни и совместной деятельности людей рост не имеет какого-нибудь особого значения и не влияет на результаты деятельности человека. Но в тех случаях, когда рост человека связан с определенной деятельностью, люди весьма точно дифференцируют его. Волейболисты, баскетболисты, тренеры по этим видам спорта с большой точностью определяют рост человека, так как это

---

[1] См. А. А. Бодалев, Восприятие и понимание человека человеком, докт. дисс., стр. 192.

весьма существенный показатель возможностей игрока. Точно дифференцируют рост портные, продавцы готового платья и лица других профессий, для деятельности которых рост имеет существенное значение.

При допросе очевидцев, уточняя сведения о росте того или иного лица, следователь не должен ограничиваться фиксированием только того, что ему сообщает очевидец. Необходимо выяснить, что имеет в виду очевидец под «средним ростом», «низким ростом» и т. д., какой рост у самого очевидца в сантиметрах и как его, с точки зрения существующей рубрикации, он оценивает. Эти данные в некоторых случаях, особенно когда они явно отклоняются от общепринятых понятий, целесообразно отразить в протоколе допроса, так как их необходимо учитывать, оценивая показания очевидцев, при проведении отдельных следственных действий и розыскных мероприятий.

Существенные ошибки в определении роста могут возникнуть в тех случаях, когда очевидец одновременно воспринимал нескольких человек, о которых он дает показания. Если этих лиц было двое и они были разного роста, то из-за контраста один из них будет казаться еще больше, а второй — меньше и в показаниях очевидца они будут обозначаться как «большой» и «маленький», часто даже вне зависимости от их действительного роста.

На оценку роста могут оказать влияние и различные элементы фона, на котором человек воспринимался.

Чрезвычайно сложной является задача определения роста детьми и подростками. В опытах по определению роста детьми — учениками 2, 5 и 8-го классов выяснилось, что ученики 2-го класса вообще не могут определить рост виденного ими человека в сантиметрах. В экспериментах поэтому они должны были не называть рост человека, а показывать его на высотомере. При такой методике правильность оценки ими роста людей оказалась очень низкой — 2,9%. Однако в группе школьников 11—12 лет правильность ответов достигла 28,5%, а в группе 14—15-летних этот показатель поднялся до 37,2% (при точности ± 2 см).

Повышение точности оценки роста очевидцами находится в прямой связи с развитием у человека про-

странственных представлений, глазомера, вычислительных навыков и от осознания значимости этого признака для характеристики других людей.

При длительном занятии человека определенным видом деятельности тенденция отражать людей с определенной точки зрения может стать устойчивой, превратиться в профессиональную привычку. Особенно ярко проявляется эта тенденция у художников-профессионалов, художников-любителей, студентов художественных учебных заведений. В практике расследования преступлений встречаются случаи успешного использования профессиональных навыков художников для раскрытия преступлений.

В г. Казани была совершена кража вещей из дома печати. Художник К., видевший подозреваемого, не только подробно описал его, но и нарисовал по памяти его портрет, в котором работники уголовного розыска узнали известное им лицо.

Одежда человека, ее конструкция и цвет могут оказывать существенное значение на правильность оценки роста и телосложения человека очевидцем.

Неправильное впечатление о росте и телосложении человека может сложиться у очевидцев в результате действия различных оптических иллюзий, вызываемых элементами одежды.

Широкая шляпа с опущенными полями, ботинки с тупыми или загнутыми кверху носками вызывают иллюзию, ведущую к уменьшению роста человека. Напротив, шляпа с узкими полями, продолженные линии которой идут кверху, узкие туфли с длинными носками, отсутствие манжет на брюках и рукавах создает впечатление увеличения этих частей тела и роста человека в целом.

Определенные ошибки в восприятии габаритов фигуры человека вызывает цвет одежды. Человек в светлой одежде (вследствие явления иррадиации) кажется более высокого роста и более полным, чем тот же человек в темной одежде. Руки в белых перчатках, соответственно, кажутся больше, чем ноги в черной обуви. Светлые и блестящие ткани увеличивают видимые размеры. В ярких и насыщенных цветах объем кажется больше; в красных и желтых платьях фигура кажется шире и воспринимается как более контрастная.

Лицу, производящему допрос и оценивающему показания очевидца, а также оперативным работникам, производящим розыск по приметам, необходимо знать действие подобных иллюзий, могущих привести к ошибочным восприятиям и оценкам.

Возраст воспринимаемого лица и точность его определения имеют существенное криминалистическое значение. Относительная точность его определения зависит как от опыта и способности к наблюдению и анализу очевидца, так и от субъективных качеств воспринимаемого лица, его состояния и условий его восприятия.

Особое значение при определении возраста приобретает не только физический облик человека, но и оформление внешности, его поведение, манеры, выразительные свойства и т. д.

Большое значение в определении возраста очевидцем приобретает эмоциональное состояние наблюдаемого лица, усталость, болезнь, наличие физических недостатков и т. д. Весьма существенный момент, мешающий правильно оценить возраст человека, — наличие у него внешних признаков, не соответствующих возрасту (усы, борода, лысина, очки, ранняя седина), способствующих завышению возраста. С другой стороны, повышенная эмоционально-динамическая выразительность (подвижность, общительность, речь) способствуют значительному занижению действительного возраста воспринимаемого лица.

Вопросу определения и оценки возраста других лиц подростками было посвящено исследование В. Н. Куницыной.

В экспериментах описание внешности производилось как непосредственно, так и на основе представления (т. е. после акта восприятия).

Использование данных, полученных в экспериментах В. Н. Куницыной, тем более оправданно потому, что, по ее собственному замечанию, они были получены методом словесного портрета, издавна применяемым в криминалистике[1].

---

[1] В. Н. Куницына, К вопросу об оценке возраста другого человека подростками, сб. «Проблемы общей социальной и инженерной психологии», изд-во ЛГУ, 1966, стр. 32—44.

Как показали результаты исследования, возраст оказался весьма значимым компонентом внешности и отмечался в 49% описаний восьмиклассников. Однако правильность оценок была чрезвычайно низкой — 13%. Следует отметить, что «масштабное поле», которым пользовались подростки, часто не соответствовало «масштабному полю» взрослых людей, например: «возраст средний — 24 года» или «возраст преклонный — 38—40 лет».

Часто подростки, определяя возраст, пользуются очень большими временными интервалами — в 10—15 лет. Только 10% всех участвующих в опытах подростков допустили отклонение при определении возраста ±1—2 года. Отклонение свыше двух лет отмечалось у 20—30% испытуемых, а в некоторых случаях доходило до 10—20 лет.

Точность определения возраста у подростков зависит как от уровня их развития, так и от внешнего вида и состояния воспринимаемого человека (одежды, прически, косметики, состояния здоровья, степени усталости, выразительности поведения) и от условий восприятия.

Лучше всего определяли испытуемые возраст своих сверстников (41,5% правильных ответов) и детей моложе себя (32% правильных ответов). Возраст людей взрослых и пожилых они определяли плохо (соответственно 13 и 7% правильных ответов). Точность оценки возраста взрослого человека была тем выше, чем моложе был воспринимаемый человек.

Эксперименты выявили ряд закономерностей, имеющих существенное значение для криминалистики. Во всех опытах точность определения возраста на основании представления (т. е. по памяти) была значительно выше, чем при непосредственном восприятии. Возраст мужчин по сравнению с возрастом женщин определяется более точно.

У девочек наблюдалась тенденция к преимущественному занижению возраста (занизили возраст 57,8% девочек, из них 30% — свыше двух лет), а у мальчиков — к завышению возраста (у 49,3% опрошенных).

С целью экспериментальной проверки общих закономерностей восприятия и оценки возраста нами был проведен эксперимент со взрослыми испытуемыми —

слушателями следственного факультета Высшей школы МВД СССР. В эксперименте участвовали 31 человек.

Несмотря на то что все слушатели — люди в возрасте 24—32 лет — обладали определенными навыками в оценке возраста, они также допустили большое количество ошибок. Им было предложено по памяти определить возраст профессора, читающего у них курс уголовного права. 27% слушателей определили возраст относительно правильно, с отклонением от действительного на ±2 года. Занизили возраст (т. е. дали отклонение более 2 лет) 8% слушателей, а 65% определили его с завышением. Ошибки, связанные с завышением возраста, были не только более часты, но и более значительны (до 15 лет), в то время как занижение не превышало 5 лет.

Значительному завышению возраста другого преподавателя способствовали его большие залысины, седые волосы и очки.

Из группы слушателей в 28 человек один определил его возраст с занижением на 5 лет, двое — относительно правильно, с точностью ±2 года, а все остальные значительно завысили возраст, причем два человека завысили его на 10 и 15 лет.

Указанные закономерности определения возраста взрослыми людьми и подростками необходимо учитывать при допросе очевидцев и проверке и оценке их показаний.

Весьма существенное влияние на правильное определение возраста человека может оказывать действие таких психологических иллюзий, как контраст и подравнивание. Например, если очевидец воспринимает двух людей разного возраста, то действительная разница в их возрасте в восприятии значительно увеличивается и в показаниях их могут называть «старый» и «молодой», хотя разница в возрасте этих людей может быть и незначительной. Возраст одного из них очевидцем будет восприниматься как своеобразный эталон, относительно которого определяется и возраст второго.

Здесь будет иметь значение, к какому масштабному полю будет отнесено то из воспринимаемых лиц, которое будет эталоном (фоном).

Иллюзия подравнивания может проявляться в том, что человек, находясь в группе лиц другого возраста (старше или моложе его), будет восприниматься соответственно с общей оценкой возраста всей группы, т. е. на него будет перенесено то обобщенное впечатление, которое создается у очевидца при восприятии группы в целом. Иллюзия подравнивания может возникнуть в результате своеобразного оформления внешности — одежды, украшений, прически и т. д.

Возраст человека может оцениваться как более молодой вследствие того, что он носит одежду по фасону или цвету, свойственную людям более молодого возраста, или, напротив, человека могут считать более пожилым, если он носит одежду, характерную для пожилых людей.

Впечатление, создаваемое одеждой и иными элементами оформления внешности (короткая стрижка, длинные волосы, усы, борода, бритое лицо), возникающее при восприятии, будет распространено на всего человека в целом и, естественно, скажется на оценке его возраста. Происходит как бы подравнивание возраста под оформление внешности.

Однако действие иллюзии подравнивания ограничено определенным пределом, после которого снова начинает действовать иллюзия контраста. Человек средних лет в группе пожилых людей будет восприниматься значительно моложе своего действительного возраста. Ношение одежды, характерной для молодых людей, человеком пожилым будет еще больше подчеркивать его возраст, одежда будет контрастировать с его возрастными анатомическими признаками, действительные оценки которых будут завышаться.

Заканчивая рассмотрение вопроса о процессе восприятия внешних признаков человека, необходимо остановиться на общих закономерностях восприятия речи и голоса человека.

Правильность восприятия речи очевидцами зависит от целого ряда факторов объективного и субъективного характера.

К объективным факторам следует отнести расстояние, на котором воспринималась речь (или ее громкость), тембр, дикцию, интонацию, наличие помех, длину отдельных слов и целых фраз; к субъективным усло-

виям — состояние органов слуха очевидца, направленность его внимания, понимание им смысла и значения фразы, наличие у него общих и специальных знаний, общий уровень интеллектуального развития.

Связь между расстоянием, на котором воспринимается речь, и ее адекватным пониманием не однозначна. При одном и том же уровне громкости и на том же расстоянии речь может восприниматься лучше или хуже в зависимости от дикции говорящего, интонационной или мимической выразительности. Речь хорошо знакомого человека даже на значительном расстоянии будет восприниматься лучше, чем с более близкого расстояния речь незнакомого человека.

При одновременном воздействии на слух побочных звуков восприятие и понимание речи очевидцами затрудняется. Побочный звуковой фон может частично или целиком «маскировать» речь.

Следует различать так называемый белый шум (всевозможные механические шумы от действия машин, механизмов, двигателей, многолюдной толпы, когда отдельные голоса не различаются) и маскирующие действия чистых тонов (одновременное звучание голосов — мужских, женских, детских).

В тех случаях, когда восприятие речи очевидцем происходит в условиях одновременного произнесения фраз или слов людьми, маскирующее действие шума относительно невелико и речь с незначительными искажениями может быть правильно услышана и понята. Так, при одновременном звучании речи мужчины и женщины часть слов, произносимых более высоким голосом (женским), будет маскироваться более низким (мужским) и может оказаться невоспринятой. Однако в большинстве подобных случаев речь правильно восстанавливается и воспринимается вследствие понимания и восприятия «незамаскированных» частей.

В тех случаях, когда одновременно звучат голоса, близкие по частоте (по высоте тона), — одновременно говорят несколько мужчин или женщин, эффект маскировки проявляется значительно сильнее и речь воспринимается хуже[1].

---

[1] Б. Ф. Ломов, Человек и техника, М., 1966, стр. 339.

Значительно хуже воспринимается речь человека на фоне «белого шума». Он разрушающе действует на речь, сводя ее понимание к минимуму. Возможность восприятия речи на фоне белого шума — в цехе, на ткацкой фабрике, при работе двигателей реактивного самолета, в вагоне метро или электропоезда и т. д. — наступает при определенной разности интенсивности звуков речи и шума.

Правильное понимание слов, произносимых в условиях действия белого шума, во многом зависит от длины слова. В таких ситуациях двухсложные слова опознаются на 30% лучше, чем односложные, а трехсложные — на 50%. В экспериментах, проведенных И. М. Лущихиной, при восприятии односложных слов точное опознание происходило лишь в 12,5% случаев; в 30% слова заменялись другими, близкими по звучанию; в 57,5% слова не опознавались вовсе. Шестисложные слова правильно опознавались в 40% случаев; их замена близкими по звучанию наблюдалась в 14,6% случаев[1]. Более точно воспринимаются слова, начинающиеся с гласного звука, по сравнению со словами, начинающимися с согласного (разница в 10%). Слово с ударением на последнем слоге опознается лучше, чем с ударением на первом.

Значительно возрастает качество восприятия речи при произнесении не отдельных изолированных слов, а определенно связанного текста. Слушая фразу, предложение, очевидец воспринимает не простой набор слов, а связывает их между собой в определенную смысловую структуру, что способствует более правильному ее восприятию и пониманию.

Определенное значение при восприятии речи в условиях помех играет длина произнесенной фразы. При длине фразы до 11 слов она воспринимается слушателем удовлетворительно, но при дальнейшем возрастании правильность восприятия значительно снижается.

Восприятие речи и ее понимание тесно связаны друг с другом, поэтому уяснение и осознание содержания в значительной мере повышают возможность услышать

[1] И. М. Лущихина, Аудирование речевых сигналов, передаваемых на фоне белого шума, «Проблемы инженерной психологии», Л.; 1964.

речь в различных неблагоприятных условиях. Не воспринимается и не запоминается речь на незнакомом языке, плохо воспринимается речь, в которой говорится об обстоятельствах или вещах, мало известных или непонятных очевидцу.

Наличие у очевидца определенного уровня общих или специальных знаний в каком-то вопросе делает восприятие и понимание им речи более полным и правильным.

При восприятии речи большое значение имеет восприятие интонации. Воспринимая интонацию речи, человек слышит, во-первых, повышение или понижение высоты основного тона речи, во-вторых, расчленение фразы на смысловые части при помощи ударения и пауз и, в-третьих, выражение просьбы, упрека, изумления, угрозы в тембре речи[1].

Следует согласиться с И. Кертэсом, который говорит, что в самых общих чертах можно воспринять интонацию и в том случае, если содержание речи не воспринимается, и даже интонацию речи на незнакомом языке. Он считает, что утверждению свидетеля, дающего показания о том, что «в соседней комнате ссорились мужчина и женщина, причем мужчина как будто угрожал ей, а она как бы умоляла его», вполне можно верить даже в том случае, если он это утверждение делает не на основании осмысливания содержания речи, а только на основании понимания им интонации[2].

Значительно лучше воспринимается речь и понимается ее смысл в том случае, когда очевидец не только слышит слова, но и видит людей, их произносящих, понимает ситуацию, их порождающую. Человек сопровождает речь мимическими, а иногда и пантомимическими движениями корпуса, рук, головы.

Весьма существенное значение при восприятии речи имеют индивидуальные качества очевидца, определяющиеся состоянием слуха, профессиональными и возрастными особенностями.

С возрастом обычно понижается чувствительность к звукам высокой частоты, сохраняясь в норме или изме-

[1] В. А. Артемов, Курс лекций по психологии, 1956, стр. 259.
[2] И. Кертэс, указ. работа, стр. 75.

няясь весьма незначительно по отношению к звукам низкой частоты. Эта закономерность может объяснить довольно часто встречающееся обстоятельство, что лица пожилого возраста хорошо слышат мужские голоса и плохо — детские и женские. Они могут не расслышать довольно громкие, но высокие по частоте звуки свистка, звонка в дверь или телефона, бьющегося стекла и т. д. Показания таких очевидцев не должны вызывать недоверия следователя, так как они объясняются естественными органическими изменениями слухового анализатора.

Существует определенная разница в восприятии звуков мужчинами и женщинами. Низкие частоты мужчины слышат лучше, чем женщины, более высокие — женщины слышат лучше, чем мужчины[1].

Сказанное о восприятии речи и голоса в обычных условиях и в условиях различных помех свидетельствует о том, что полнота и правильность их восприятия зависит от целого ряда факторов. Поэтому в процессе расследования необходимо тщательно выяснять обстоятельства и условия, в которых происходило восприятие речи, состояние лица, воспринявшего речь, и при проведении следственного эксперимента (если возникает такая необходимость) эти условия учитывать.

Сведения о внешних признаках человека, зафиксированных очевидцами, поступают в сферу уголовного процесса в результате допроса. Однако описание внешности человека, его анатомических и функциональных признаков представляет значительные трудности в смысле их адекватной вербализации даже в тех случаях, когда у очевидца сохранился достаточно полный и четкий образ человека, о котором он дает показания.

Обозначая словесно те или иные внешние признаки человека, очевидец включает формирующийся у него образ конкретного лица в привычную для его индивидуальности систему образов. Эта сугубо индивидуальная манера восприятия и осмысливания приводит к тому, что в показаниях разных лиц внешние признаки одного и

---

[1] У. Вудсон, Д. Коновер. Справочник по инженерной психологии для инженеров и художников-конструкторов, «Мир», 1968, стр. 4—32.

того же человека находят различные словесные выражения.

Весьма часто в показаниях очевидец точно определяет содержание своего восприятия, обозначая вид, величину, форму, положение, цвет признака и его особенность. Такое описание наиболее ценно при расследовании, так как оно дает возможность следователю, а в дальнейшем и суду оценить показания, опираясь на объективно существующие признаки.

Некоторые очевидцы для обозначения признаков используют так называемые штампы обыденного сознания или представления, полученные из житейского опыта, литературы, живописи, кино. Такие обобщенные представления используются для характеристики определенных черт внешности человека, его профессии, групповой принадлежности и т. п. В ряде случаев очевидцы, например, говорят: «у него внешность актера», «он имеет кавказский тип лица», «он похож на цыгана», «у него морская походка», «у него птичье лицо» и т. д. При расследовании разбойного нападения на К., работавшую в одном из театров Ленинграда, она не смогла описать внешность преступников, но показала, что один из грабителей был очень похож на актера их театра. Предъявление фотографии этого актера позволило оперативным работникам быстро найти преступника.

Описанные выше суждения о внешности являются результатом субъективной оценки признаков человека. И если они не опираются на какие-то конкретные, зафиксированные признаки, то их криминалистическое значение невелико. Тем не менее в тех случаях, когда субъективная оценка совпадает с наличием у разыскиваемого лица определенных признаков, такая обобщенная характеристика может сыграть важное розыскное и доказательственное значение.

По делу Ионесяна, совершившего несколько убийств и покушений на убийства, оставшийся в живых потерпевший девятилетний мальчик Володя К. показал, что у «этого дяденьки были сучковатые пальцы». Это наблюдение очевидца впоследствии подтвердилось. У преступника действительно оказались длинные тонкие пальцы с расширенными суставами, производившие впечатление сучков. Точно выразить в словах свое представление девятилетний очевидец не мог, и он воспользовал-

ся сравнением с существующим в его индивидуальном сознании образом сучков.

К рассмотренной группе очевидцев следует отнести и тех, которые, описывая внешние признаки человека, связывают их с психическими особенностями личности. Так, они говорят «умные глаза», «умный лоб», «чувственные губы», «волевой подбородок» и т. д. Такие суждения также являются субъективными, и их криминалистическое значение ничтожно.

В некоторых случаях очевидцы пытаются найти связь между эмоциональным состоянием воспринимаемого лица и внешним выражением этого состояния. В подобных случаях в показаниях появляются такие выражения, как «виноватые глаза», «усталая походка», «зверское лицо». Иногда в показаниях можно встретить оценки эстетической привлекательности человека — красивый, некрасивый, безобразный, отталкивающий и т. п.[1].

При любом из встречающихся способов описания человека следователю необходимо выяснить те конкретные анатомические или функциональные признаки, воспринимая которые очевидец сделал свой вывод. При допросе очевидца о внешних признаках какого-либо лица следует дать вначале возможность описать их в свободном рассказе. Каждому лицу присуща своя, индивидуальная манера восприятия тех или иных признаков внешности человека. Вследствие этого какие-то признаки воспринимаются очевидцами лучше и входят в описание, а какие-то опускаются. Возникает необходимость в постановке дополнительных и уточняющих вопросов.

Следует согласиться с точкой зрения А. Ю Пересункина о недопустимости пользования при допросе очевидцев терминами и понятиями словесного портрета, так как они не понятны неспециалистам и могут ввести в заблуждение очевидца[2].

При допросе очевидцев по указанному вопросу целесообразно применять различные наглядные материалы, альбомы с изображением отдельных элементов внешности, фотографии, диапозитивы, так как узнавание яв-

---

[1] А. А. Бодалев, Восприятие человека человеком, изд-во ЛГУ, 1965, стр. 24—27.

[2] «Криминалистика», М., 1968, стр. 246.

ляется наиболее легкой формой воспроизведения. Кроме того, наглядные материалы актуализируют не только зафиксированные представления, но способны выявить и латентно запечатленные элементы образов.

Исходя из тактических соображений, вначале следует допросить очевидца о приметах человека, зафиксировать это, а затем предложить ему указать в альбоме признаки и элементы признаков, о которых он давал показания. Здесь могут быть выявлены расхождения между теми понятиями о внешних признаках, которые вкладывает в определение очевидец, и теми, которые приняты в криминалистике. Поэтому демонстрация альбомов обеспечит перевод признаков на язык криминалистики с наименьшими потерями информации.

В ряде случаев при допросе очевидцев о приметах преступников целесообразно изобразительно воспроизвести их внешность. Для этого применяются различные системы: синтетический портрет, «фоторобот», рисованный портрет.

Значительное количество ошибок допускают очевидцы при описании фасонов и конструкции одежды и, главным образом, при определении цвета и фактуры материалов.

В этом могут проявляться, с одной стороны, незнание правильного названия того или иного цвета, а с другой — наличие у очевидца полной или частичной цветовой слепоты. По данным психологов, около 8% (некоторые утверждают, что до 20%) мужчин страдают дефектами цветоощущения, т. е. не различают красного и зеленого цвета. Среди женщин явления цветовой слепоты встречаются крайне редко[1].

При описании примет одежды человека, ее цвета и материала весьма часто пользуются названиями, которые не укладываются в рамки основных и дополнительных цветов спектра. Такое определение цвета, как «болотный», «мышиный», «маренго», «электрик», «морской волны» и т. д., а также употребление слов «темно» и

---

[1] Б. Н. Теплов, Пространственные пороги зрения, «Зрительные ощущения и восприятия», М., 1935, стр. 219; У. Вудсон, Д. Коновер, Справочник по инженерной психологии для инженеров и художников-конструкторов, «Мир», 1968, стр. 386.

«светло» относительно любого известного цвета делает описание чрезвычайно неопределенным.

В практике работы следственных и оперативных аппаратов УВД Леноблгорисполкомов применяют специальные альбомы образцов различных тканей (мужские, дамские, детские, далее в каждой рубрике — пальтовая, костюмная и т. д.). Их использование вместе с образцами фасонов одежды при допросе очевидцев значительно снижает количество ошибок при составлении протокола и дает работникам милиции наглядные признаки при запоминании примет.

В случаях, когда возникает вопрос о способности очевидца правильно различать или называть цвета предметов, следует произвести проверку этой способности с помощью следственного эксперимента. В присутствии понятых лицу предъявляется цветовая линейка без надписей и предлагается определить на ней цвета: каждый цвет подписывается очевидцем.

Модификацией этого следственного действия является следственный эксперимент по определению правильности оценки какого-то одного, интересующего следствие в данной ситуации цвета, так как очевидец может правильно различать одни цвета и неправильно другие. В таком случае очевидцу предлагается на цветовой линейке указать, не называя, тот цвет, о котором он говорит. Можно рекомендовать проведение в рамках одного следственного эксперимента обоих названных опытных действий. Цветовые линейки, подписанные очевидцем, прилагаются к протоколу следственного эксперимента и, по существу, являются производным вещественным доказательством, близким по своей природе к образцам, на основании которых следователь и судья смогут более правильно произвести оценку показаний данного лица.

В данном случае еще раз проявляется особенность исследуемого нами источника доказательственной информации (показаний очевидца), заключающаяся в возможности исследования не только сведений, содержащихся в его показаниях, но и самого процесса формирования показаний с точки зрения их возможности и правильности.

IV. ОСОБЕННОСТИ ПОКАЗАНИЙ ОЧЕВИДЦЕВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

(Классификация очевидцев дорожно-транспортных происшествий. Определение скорости движения автотранспортных средств очевидцами. Обстоятельства, влияющие на точность оценки скорости движения. Определение способности очевидцев к дифференциации скорости в процессе расследования. Восприятие типов, марок и цветов автомашин. Факторы, влияющие на правильность восприятия цветов. Особенности восприятия номерных знаков автотранспортных средств. Характер ошибок, возникающих при восприятии номерных знаков. Ошибки при запоминании номерных знаков.)

Автотранспортные средства могут быть использованы при совершении самых различных преступлений: при ограблениях, разбойных нападениях, мошенничестве, изнасиловании и т. д.

Совершенно особым, самостоятельным элементом становятся они при возникновении дорожно-транспортных происшествий.

В связи с этим вопросы о виде транспортных средств, их модели, цвете, номерном знаке, скорости движения и т. д. могут входить в круг обстоятельств, устанавливаемых с помощью показаний очевидцев.

Очевидцев дорожно-транспортных происшествий, в зависимости от их роли в нем и отношения к происходящему, можно разделить на несколько групп.

Одну группу образуют очевидцы-потерпевшие, как пешеходы, так и водители транспортных средств, и лица, находившиеся вместе с ними на улице или в автомашине.

Ко второй, наиболее многочисленной группе следует отнести «нейтральных» очевидцев, непосредственно не связанных личными взаимоотношениями ни с одной из сторон. Это прохожие, пассажиры и водители транспор-

та, не связанного с данным происшествием, лица, из-за выполняемой работы находившиеся у места происшествия (дорожные рабочие, дворники, киоскеры), жильцы домов, окна которых выходят к месту происшествия, и т. д.

Третью группу очевидцев образуют лица, специально наблюдающие за движением транспорта, — работники ГАИ—ОДН, постовые милиционеры, общественные инспектора ГАИ во время дежурства, диспетчеры коммунального транспорта и др.

Подобная попытка классификации очевидцев представляется оправданной как в связи с последующей оценкой их показаний, так и в связи с необходимостью установления точного места, с которого воспринималось происшествие.

В предмет допроса очевидца дорожно-транспортного происшествия всегда входит вопрос о скорости движения автомашины как непосредственно перед происшествием, так и в момент его. На это обстоятельство, как на обязательный момент допроса, указывают все авторы, занимавшиеся методикой расследования данного вида преступления.

Определение скорости, в основе которого лежит явление динамического глазомера, — это психический акт, посредством которого лицо при восприятии движущегося транспортного средства с определенной скоростью делает заключение либо о величине промежутка времени, в течение которого этот предмет достигнет определенной точки на его пути либо отрезке пути, который этот предмет проходит в течение определенного времени.

Визуальное определение скорости движущегося объекта — чрезвычайно трудный психический процесс.

Точность определения скорости движения транспортного средства зависит от ряда факторов: от правильности восприятия движения очевидцем, его навыков глазомерной оценки скорости, профессионального опыта или любительских занятий.

Субъективная оценка скорости зависит от направления движения транспортного средства относительно очевидца и абсолютной удаленности автомашины от наблюдателя.

В. Я. Дымерский отметил, что видимая скорость движения, перпендикулярного лучу зрения, определяется

соотношением угловой скорости и абсолютной удаленности предмета. При этом точность восприятия скорости зависит от точности восприятия удаленности, и тем больше, чем меньше расстояние объекта от глаз и, напротив, тем меньше, чем расстояние больше. Точность восприятия движения по лучу зрения также зависит от абсолютной удаленности объекта, однако она уменьшается с увеличением абсолютной удаленности[1].

Скорость воспринимается очевидцами транспортных происшествий лучше в тех случаях, когда автомашина движется перпендикулярно к лучу их зрения или под значительным углом к нему. С уменьшением угла движения машины относительно луча зрения, и особенно при движении по лучу, точность дифференциации скорости исключительно низка.

Точность оценки скорости предмета, движущегося прямо по лучу зрения к наблюдателю или от него, основывается на видимом увеличении или уменьшении размеров этого предмета во время его движения, а так как у очевидца в памяти не сохраняется данных, которые он мог бы использовать для такой оценки, то правильность ее весьма относительна.

Другим весьма важным фактором, влияющим на определение скорости движения автомобиля, является расстояние от него до очевидца.

Чем дальше от движущегося автомобиля находится очевидец, тем меньшей кажется ему скорость движения и тем больше ошибок он допускает при ее оценке. Простейшей иллюстрацией этой закономерности может служить огромная относительная скорость небесных тел — солнца, луны, звезд, — которая нами вследствие большого расстояния визуально не воспринимается.

Исходя из приведенных двух закономерностей восприятия скорости движения автомашин, следователь при допросе должен подробно выяснить место, с которого очевидец наблюдал движение транспортного средства, расстояние между ними и направление движения автомобиля относительно луча зрения очевидца.

---

[1] В. Я. Дымерский, К вопросу о зрительном восприятии направления движения, «Доклады Академии педагогических наук РСФСР» 1958 г. № 2, стр. 49.

Зоны обзора для очевидцев, находящихся в легковых автомобилях или в салонах иных транспортных средств, будут, естественно, меняться в зависимости как от роста очевидца, так и его положения (сидит или стоит).

Эти данные должны быть учтены следователем при допросе очевидцев, оценке их показаний и при решении вопроса о проведении следственного эксперимента.

Представляется целесообразным рассмотреть некоторые особенности восприятия скорости очевидцами, в зависимости от их принадлежности к названным нами группам.

Первая группа очевидцев-потерпевших включает очевидца-пешехода и лиц, находившихся вместе с ним, а также водителя автомашины и пассажиров.

Потерпевшие-пешеходы, как правило, плохо воспринимают и оценивают скорость, так как в подавляющем большинстве случаев они либо вовсе не замечают движущийся транспорт (что и является причиной происшествия), либо замечают его в последнее мгновение и вследствие кратковременности восприятия и сильного эмоционального напряжения не имеют возможности правильно ее оценить.

Однако в тех случаях, когда потерпевший-пешеход и пытается определить скорость автотранспортного средства, даже при самом добросовестном подходе к ее оценке (мы оставляем сейчас в стороне случаи сознательного преувеличения скорости с какой-либо целью, что в практике расследования бывает), на его показания влияет мощный фактор логической реконструкции, так как в большинстве случаев потерпевшие думают, что именно превышение скорости и привело к наступлению вредных последствий. Такое преувеличение скорости характерно не только для потерпевшего, но и для очевидца-свидетеля.

Несколько иная картина наблюдается в тех случаях, когда очевидцами являются водитель транспорта и пассажиры, потерпевшие при автотранспортном происшествии.

Относительно высокий уровень определения скорости движущегося транспорта бывает в том случае, если водитель какое-то время непосредственно перед происшествием ехал следом за машиной, ставшей причиной происшествия, и фиксировал скорость своей машины по

спидометру. С помощью спидометра водитель может определить и скорость машины, обгоняющей его. Кроме этого, у опытных водителей вырабатывается способность к довольно точной дифференцировке скорости собственного автомобиля в результате взаимодействия зрительных и статико-динамических ощущений. Поэтому их показания о скорости собственной машины могут быть правильными и в тех случаях, если они на спидометр не смотрели.

Однако необходимо помнить, что человек ощущает ускорение постольку, поскольку оно не постоянно, а переменно; при перемене скорости (с большей на меньшую и наоборот) важнейшую роль в этих ощущениях играют контрастные соотношения ускорений. Статико-динамическая чувствительность возрастает при такой деятельности, которая специализирована на переменных скоростях движения. Особенно заметно это явление усиления чувствительности у летчиков, шоферов, мотоциклистов, моряков.

Особого внимания заслуживает тот факт, что постоянную скорость, равномерное прямолинейное движение человек не ощущает. Поэтому при допросе следует выяснять у такого водителя или иного лица, находившегося в транспортном средстве и дающего показания о скорости на основании статико-динамических ощущений, к какому моменту движения относятся их показания — к моменту наращивания скорости, торможения или равномерного движения.

Наличие способности к определению скорости в подобной ситуации должно быть проверено с помощью следственного эксперимента.

В изученных нами делах подобного рода эксперименты проводились следующим образом: в эксперименте принимают участие две автомашины с рациями, имеющими прямую связь. В первой автомашине находится проверяемое лицо, следователь и понятые. Во второй машине — помощник следователя и вторая группа понятых. В первой машине спидометр заклеивается бумагой. Впереди следует автомашина с испытуемым, за ними — вторая машина. На определенных участках трассы испытуемый определяет скорость собственной машины и сообщает ее следователю, который фиксирует ее. Одновременно данные о скорости, называемые испытуемым, по

рации передаются во вторую машину, где помощник следователя и понятые проверяют их по спидометру и фиксируют. В конце следственного эксперимента составляется общий протокол, в котором указывается скорость автомашины, зафиксированная по спидометру на различных отрезках трассы, и скорость на этих же отрезках, указанная испытуемым.

В тех случаях, когда спидометр находится не перед водителем, а сбоку (у некоторых грузовых автомашин, автобусов), проведение эксперимента упрощается. Спидометр закрывается от водителя экраном из бумаги, а лицо, производящее эксперимент, и понятые сравнивают показания испытуемого с «показаниями» спидометра.

Формирование представления о скорости движения автомашины у пассажиров имеет определенные особенности. Если машина идет с постоянной скоростью, то при приближении к фиксируемому взглядом предмету, в силу изменения углового расстояния между предметами и угла зрения, скорость движения воспринимается лицом, смотрящим по ходу движения машины, как быстро возрастающая.

Подобная иллюзия возникает и у пассажиров автомашины, если они смотрят не прямо по ходу машины, а в сторону. Если они фиксируют взгляд на предметах, находящихся на значительном расстоянии, то скорость движения их транспортного средства им кажется незначительной. При переводе взгляда и фиксировании предметов, расположенных близко к машине, скорость субъективно воспринимается как значительно большая. Отсюда могут возникнуть противоречия в показаниях о скорости разных очевидцев, находящихся в момент происшествия в одной и той же машине[1].

---

[1] Интересные данные были получены в результате экспериментов, проведенных в Дании. Установлено, что визуальная оценка скорости автомобиля зависит от его окраски. Группе водителей было предложено определить скорость трех автомобилей — черного, красного и белого цветов, двигавшихся поочередно с одинаковой скоростью 70 *км/час*. В среднем в ряде экспериментов скорость черной машины была определена как 62 *км/час*, белой — 72 *км/час*, красной — 78 *км/час*. При этом расстояние до этих машин было тоже определено ошибочно и соответственно 108, 98, 92 *м*, хотя в действительности оно равнялось 100 *м* («За рулем» 1966 г. № 1, стр. 22).

В случае возникновения таких противоречий их не следует объяснять только недобросовестностью одного из очевидцев, а необходимо дополнительно уточнить, на каких объектах, расположенных в стороне от машины, фиксировал взгляд этот очевидец.

В силу указанных ранее причин показания пассажиров машины — потерпевших о скорости другого транспортного средства имеют тенденцию к преувеличению, а машины, в которой они находились, — к преуменьшению.

При рассмотрении особенностей оценки скорости движения автотранспортных средств очевидцами, отнесенными ко второй группе, следует отметить большую неопределенность в терминологии и неточность в определении скорости очевидцами-пешеходами.

Определяя скорость движения «на глаз» и не имея достаточного навыка в этом, многие очевидцы в понятие «быстро» или «со средней скоростью» вкладывают различный смысл. Следователю необходимо в таких случаях уточнить, какую конкретно скорость подразумевает очевидец под словами «быстро» и «средняя скорость».

Иногда очевидцы определяют скорость машины непосредственно в конкретных цифрах — 60, 80 км. В таких случаях необходимо выяснить, на основании чего пришел очевидец к выводу именно о такой скорости, имеет ли он навык в определении скорости и т. д. В большинстве случаев попытки выяснить те конкретные данные, на основании которых очевидец пришел к выводу о скорости, не дают результатов, так как они, в силу быстротечности события, просто не фиксируются им. Поэтому к таким показаниям очевидцев следует подходить с большой осторожностью.

При оценке скорости водителями движущихся машин и пассажирами в случаях, когда они не причастны к происшествию, проявляются в основном те же закономерности, что и при восприятии скорости водителями и пассажирами-потерпевшими. Однако их показания при прочих равных условиях вследствие отсутствия заинтересованности бывают более правильными.

Определенный интерес представляют показания о скорости шоферов, когда они находятся вне транспортных средств. Несомненно, профессия и связанные с ней определенные навыки у этой категории очевидцев дела-

ют их показания более точными по сравнению с показаниями прочих свидетелей. Однако переоценивать их показания о скорости не следует. Эта категория очевидцев привыкла оценивать скорость других автотранспортных средств в тех случаях, когда они сами находятся в движении. У них может отсутствовать навык определения скорости, когда они находятся в статичном положении.

Э. Бена, И. Госковец и И. Штикар приходят к выводу о том, что многие шоферы определяют скорость движения других транспортных средств неточно. Психологические исследования группы шоферов из 55 человек показали, что только 33% умеют правильно определить скорость автомобиля[1].

Считая способность к правильному определению скорости одним из основных аспектов работы шофера, Мицци обследовал 3500 шоферов, работающих с авариями и без аварий. Различие в способности определять скорость он у них не обнаружил[2].

При всех указанных недостатках в определении скорости этой категорией очевидцев их показания несомненно представляют более значительную ценность, чем показания очевидцев, не связанных с вождением транспорта.

Относительно высокой способностью к визуальному определению скорости обладают очевидцы, отнесенные нами к третьей группе, — работники ГАИ — ОДН.

В силу основного содержания деятельности сотрудников ГАИ — ОДН — наблюдения за движением транспорта — у них вырабатывается высокая профессиональная способность к дифференциации скоростей.

Значительно повышается точность в оценке скорости, если инспектор работает на одном и том же участке или отрезке магистрали. Наличие привычных ориентиров значительно облегчает ему задачу по точному определению скоростей.

Определение скорости общественными инспекторами ГАИ — ОДН может быть также относительно высоким,

---

[1] «Психология и психофизиология шофера», «Транспорт», 1966, стр. 114.

[2] А. Мицци. Beziehungen zwischen diffuser Aufmerksamkeit, Prague, 1935, S. 112.

так как, во-первых, они все являются водителями транспорта, а, во-вторых, во время работы на линии их внимание сосредоточено в основном на движении транспорта и пешеходов.

Проверку способности к определению скорости конкретного очевидца автотранспортного происшествия следует производить, используя возможности следственного эксперимента.

В процессе проведения следственного эксперимента определение скорости может осуществляться в двух модификациях: в результате узнавания «предъявленной» скорости и в результате определения ее в конкретных цифрах.

В первом случае ставится задача определить скорость транспортного средства в момент происшествия путем сравнения «предъявляемых» в ряде опытных действий скоростей с сохранившимся в памяти очевидца представлением. Во втором случае проверяется способность данного очевидца вообще определять визуально скорость транспортного средства.

На наш взгляд, более правильно проверять именно способность очевидца к определению скорости, так как воспоминания о скорости чрезвычайно ненадежны, напротив — навык или способность к восприятию и оценке скоростей является относительно стойким свойством или профессиональным качеством.

Способность устанавливать с определенной степенью точности различные скорости транспортных средств делает показания очевидца о скорости в конкретном расследуемом происшествии более надежными и достоверными.

Представляется целесообразным сделать несколько общих замечаний о характере ошибок при определении скорости транспортных средств и их причинах.

Наиболее характерной ошибкой для незаинтересованного очевидца является недооценка малой скорости и переоценка большой. Однако после происшествия, связывая его с превышением скорости, эти же свидетели даже средние скорости склонны оценивать как большие.

При оценке показаний такого очевидца необходимо выяснять не только его профессию и наличие навыков в определении скорости, но и возраст и условия жизни. Человек, впервые приехавший в большой город с напря-

женным движением различных транспортных средств, оказавшись очевидцем происшествия, не сможет даже приблизительно верно определить скорость той или иной автомашины, ибо скорость их всех будет ему казаться большой. В его показаниях будет преобладать тенденция к преувеличению скорости.

Замечено, что если автомашина наращивает скорость, то очевидцы склонны преувеличивать ее, а если машина тормозит — преуменьшать. Если очевидец знает, что перед происшествием машина тормозила, оценка им скорости может быть бессознательно преуменьшена.

При оценке показаний различных очевидцев о скорости необходимо помнить о таком социальном факторе, проявляющемся неосознанно, как професссиональная солидарность. Она может возникнуть даже тогда, когда очевидцы не знакомы друг с другом. Профессиональная солидарность проявляется часто в тех случаях, когда происшествие связано с профессиональным риском и очевидец чувствует, что он мог бы оказаться в подобных обстоятельствах. Это наиболее характерно для шоферов-профессионалов.

Солидарность может быть результатом более полного понимания события, заставляющего очевидца искать оправдывающие мотивы. Наконец, лица одной и той же профессии могут оказаться просто знакомыми.

В некоторых, довольно редких случаях профессия может вызвать, напротив, чувство соперничества, например между старым профессиональным шофером и молодым водителем, профессиональным водителем и шофером-любителем и т. д.

Ошибки в оценке скорости могут бессознательно проявляться в показаниях очевидцев, часто находящихся в конфликтных отношениях, например в показаниях инспектора ГАИ — ОДН и шофера.

Все указанные обстоятельства, в той или иной степени оказывающие влияние на точность показания, должны быть учтены следователем и судом при оценке показаний очевидцев дорожно-транспортных происшествий.

Показания очевидцев дорожно-транспортного происшествия о типе или марке машины, ее цвете и номерном знаке приобретают исключительно большое значение в

тех случаях, когда автомашина скрылась с места происшествия.

В этих случаях к точности их показаний предъявляются особые требования, так как от них зависит розыск преступника и самого транспортного средства.

Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что весьма часто правильное определение марки машины и в особенности ее модели представляет значительные трудности. Если такие машины, как «Волга», «Победа», «Запорожец» первого выпуска, «Чайка», узнают относительно верно, то остальные легковые автомашины и почти все грузовые машины чрезвычайно плохо определяются большинством очевидцев.

Круг автомашин иногда сужается указанием на дополнительные признаки: «на машине были шашечки» (такси) или «на машине был красный крест» (медицинская помощь).

Типы и марки автомашин плохо определяют большинство людей пожилого возраста и в особенности женщины, дети и девочки-подростки. Хотя в памяти такого очевидца может сохраниться отчетливое представление о форме машины и ее особенностях, отсутствие у него определенного понятия не позволит адекватно объективировать в словах это представление.

Так как узнавание является наиболее простой формой воспроизведения, то можно рекомендовать при допросе таких очевидцев предъявлять специальные альбомы с изображениями автомашин. Необходимо, чтобы каждая марка и модель машины была представлена в альбоме в четырех ракурсах — строго спереди, сзади, сбоку и в эксанометрии. Желательно, чтобы в альбоме были не фотографии автомашин, а модельные рисунки, так как на них лучше будут видны все детали и особенности той или иной модели. Рисунки автомашин в альбомах целесообразно делать черно-белые контурные.

Цвет автотранспорных средств имеет очень большое поисковое и опознавательное значение и всегда выясняется при допросе очевидцев, в особенности если эта автомашина с места происшествия скрылась.

Современные транспортные средства имеют окраску различных цветов и оттенков, поэтому их точное восприятие и, главным образом, определение представляет для очевидцев значительные трудности.

Здесь мы встречаемся с тремя трудностями: во-первых; восприятие цвета в зависимости от объективных условий наблюдения может меняться; во-вторых, очевидец вследствие дефектов зрительного анализатора может неправильно воспринимать цвет автомашины; в-третьих, даже правильно воспринятый цвет автотранспортного средства очевидец может неправильно определить словесно.

Рассмотрим каждый из этих трех моментов.

Восприятие очевидцем автотранспортного происшествия, как правило, происходит в условиях дефицита времени, без предварительной подготовки, часто в сложных условиях наблюдения — при плохом освещении, в сумерках, ночью, на значительном расстоянии и т. д. Все это, несомненно, ухудшает точность восприятия цвета.

Цвета меняют свой цветовой тон, светлоту и насыщенность[1] на расстоянии. Такое изменение частично зависит от фона, на котором воспринимаются цветные предметы. При этом изменение цветов возникает не только на цветных фонах, но и на черном и белом.

Изменение цветов объектов на расстоянии зависит от величины угла, под которым этот объект воспринимался.

На очень большом расстоянии цветные предметы воспринимаются ахроматически, т. е. как различные оттенки серого цвета.

Другим фактором, влияющим на объективные условия восприятия цветных объектов, является их освещенность. При минимальном освещении, так же как и при восприятии цветных объектов на большом расстоянии, все цвета воспринимаются ахроматически.

В сумерках, при плохом освещении, все цвета красно-оранжевой части спектра воспринимаются более темными. Напротив, цвета зелено-синей области спектра оцениваются как более светлые. Это явление, называемое «эффектом Пуркинье»[2], очень часто наблюдаемое в действительности, может оказать существенное влияние на

---

[1] Цветовой тон — это специфическое качество, которым один цвет отличается от любого другого при равной светлоте и насыщенности; светлота — это степень отличия данного цвета от черного. Насыщенность — это свойство, указывающее силу или интенсивность цвета.

[2] По имени чешского ученого Пуркинье, открывшего его.

правильность определения цвета автомашины в сумерки и ночью.

Второй из названных нами причин ошибочных суждений о цвете автомашины может быть цветовая недостаточность очевидца, или дальтонизм. Опасность ошибки вследствие дальтонизма усугубляется тем, что многие люди, страдающие цветовой недостаточностью, не знают о наличии у себя этой аномалии.

Для определения аномалии в цветовосприятии очевидцев, если такие сомнения при допросе возникают, следует воспользоваться обычными медицинскими таблицами по цветоделению, любой цветовой шкалой или линейкой. Можно просто предложить определить цвет того или иного предмета в кабинете следователя. В необходимых случаях следует провести следственный эксперимент.

Если у следователя возникли сомнения в правильности цветовосприятия очевидца, а его показания относительно цвета предмета имеют существенное доказательственное значение, такому очевидцу следует провести судебно-медицинскую экспертизу.

Третьим фактором, который может оказать влияние на ошибочное определение цвета скрывшегося транспортного средства, является неправильное понимание различных обозначений цветов.

В таких случаях очевидец правильно воспринимает цвет и у него сохраняется правильное цветовое представление, но при словесном обозначении этого представления он допускает ошибку.

Для того чтобы проверить, не допускает ли очевидец ошибку в определении цвета при вербализации, следует предъявить ему цветовую шкалу без надписей и попросить указать на ней тот цвет, о котором он дал показания. При такой проверке может выясниться, что очевидец то или иное понятие цвета наполняет неправильным содержанием.

В некоторых случаях очевидец затрудняется в подборе правильного определения цвета. Для оказания ему помощи следует также предъявить цветовую линейку и предложить указать на ней цвет.

Весьма часто очевидцы определяют цвет автомашины в различных житейских выражениях — «кофе с молоком», «кремовая», «малиновая» и т. д. В этих случаях следует

уточнить, какое конкретно содержание вкладывают они в это определение цвета.

Исключительно большое значение для розыска скрывшейся автомашины имеет ее номерной знак, так как по нему легче всего установить принадлежность автомашины к определенному парку или ее владельца путем проверки по картотеке ГАИ.

Кроме того, многие очевидцы плохо разбираются в типах, марках, моделях машин и их цветах. Однако любой грамотный человек при прочих благоприятных условиях восприятия может правильно прочитать и запомнить номер машины.

Существующие номерные знаки на автомашинах имеют размеры 167×285 мм (задний) и 110×385 мм (передний). Для мотоциклов он 132×208 мм. Высота букв в знаке 45 мм (кроме Д, Ж, М, Ф, Ш, Щ, Ю, имеющих ширину 50 мм); высота цифр 80 мм, ширина 51 мм (кроме цифры 1, имеющей 20 мм, 7 и 0, имеющих 50 мм). Толщина обводки цифр — 14 мм, букв — 10 мм.

Номерной знак состоит из двузначных чисел, разделенных тире, и серии из трех букв. На заднем номере они располагаются в две строки: наверху — цифры, внизу — буквы, на переднем номере и цифры и буквы расположены в той же последовательности, но в одну строку.

Правильность прочтения и запоминания номера скрывшейся автомашины определяется рядом объективных и субъективных обстоятельств.

К объективным условиям следует отнести освещенность не только самого номерного знака, но и всей машины, местонахождение очевидца относительно автомашины, скорость и направление движения транспортного средства, покрытие дороги, загрязненность номерного знака и ряд других. Особое значение для правильного распознавания номера имеет время, в течение которого очевидец наблюдал машину. К факторам субъективного характера можно отнести состояние зрения очевидца (дальнозоркость, близорукость, острота зрения, ношение очков обычно и в момент происшествия и т. д.), эмоциональное состояние в момент восприятия, профессиональные особенности, возраст и ряд других.

В результате экспериментов, проведенных рядом советских и зарубежных психологов, установлено, что скорость и точность узнавания цифр зависит от их формы.

По данным американского психолога Слейта, все цифры по точности их узнавания располагаются в следующем порядке: 1.7.4.0.2.9.5.6.8.[1].

По данным, полученным советским психологом Р. М. Мансуровым, этот порядок несколько иной: 1.7.5.3.0.1.8. 2.6.9.[2].

Предъявляемая цифра	Величина ошибок опознания в %										Сумма ошибок в опознании в %
	опознаваемые цифры										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0	
4	0,6	2,3			0,6	0,6	0,6	0,6			5,3
7	1	0,6	2	1	2			0,6	2,5		9,7
5		3	3,1	1		1,5			1,5		10,1
3		4		1	4	1		2	1,1		13,1
0				2,8	1	6		2,8	2,3		14,9
1		0,5	0,5	3	0,5	0,5	10	0,5	0,5		16
8			1	2	8	8			1	4	17
2			1	3			16		2		22
6		4,5		17,6			2,2		1		25,3
9		6,2	0,4		0,4	0,4	21	0,9			29,3

Кривые линии в начертании цифр воспринимаются хуже, чем прямые, и поэтому особенно часто в условиях ограниченного времени восприятия (а опыты Мансурова проводились в условиях дефицита времени) ошибочно узнаются цифры, в начертании которых используются криволинейные элементы.

По данным Слейта, не все части цифры несут одинаковую информационную нагрузку. В экспериментах было установлено, что больше всего ошибок возникает в тех случаях, когда приходится узнавать цифру по ее нижней правой части — 27% ошибок. Точнее всего узнается цифра по левой верхней части — только 0,83% ошибок.

---

[1] Б. Ф. Ломов, Человек и техника, М., 1966, стр. 289. Цифра «3» в ряду Слейта отсутствует.

[2] Р. М. Мансуров, Опыт исследования временных порогов адекватного зрительного восприятия цифр в зависимости от их углового размера и освещения, сб. «Проблемы общей социальной и инженерной психологии», изд-во ЛГУ, 1965, стр. 92.

При оценке показаний очевидца о правильности и возможности прочтения им номера необходимо учитывать и данные о читаемости букв алфавита, которые, как и цифры, по-разному распознаются[1].

За основные элементы русского печатного шрифта приняты три исходных знака: линия, полулиния и полулунка. Этот минимум исходных элементов фактически образует все буквы алфавита и, пространственно располагаясь определенным образом в буквах, обусловливает сходство многих частей различных букв. Отсюда возникает возможность ошибочного восприятия букв, особенно в затрудненных условиях восприятия.

Как и при восприятии цифр, при распознавании букв не все их части несут одинаковую информацию. Установлено, что требуется значительно больше времени, чтобы узнать буквы и слова, когда видны только нижние половины букв. Наибольшее информационное значение заключено в верхних элементах букв.

Л. А. Баранова, исследовавшая вопрос о читаемости букв русского алфавита, выделяет пять типов наиболее характерных ошибок[2]:

1) ошибки по общему сходству начертаний букв: «А—Д—Л», «З—Э»,«Ш—Щ», «Е—С—О»;

2) ошибки по общему сходству отдельных элементов: Б—В—Ы—Ь, Ь—Б—В, З—В, У—Ч;

3) ошибки зрительного пространственного характера: перемещение различных элементов букв вправо, влево, вверх, вниз — И—П—Ц—К, П—Н—Ц—И;

4) ошибки воспроизведения количества подобных элементов (приписывание или недооценка отдельных элементов): С—О, Ц—Щ, Ф—Р;

5) замена овальных элементов линейными и наоборот: Б—К, В—К, Ы—Ш, К—Р. При этом явно преобладает замена овальных элементов линейными.

---

[1] В порядке предварительного замечания следует сказать, что разные размеры цифр и букв (80 мм цифра и 45 мм буква) не являются удачными, так как этим сразу снижается наполовину возможность правильного прочтения букв по сравнению с цифрами.

[2] Л. А. Баранова, Восприятие букв русского алфавита различных технических шрифтов в условиях дефицита времени, сб. «Проблемы общей, социальной и инженерной психологии», изд-во ЛГУ, 1966.

Наиболее часто встречаются ошибки первых трех типов. Большое количество ошибок наблюдается при узнавании букв: ж. з. м. ц. ы. э. ю. я. б. п. ш. щ. и.[1].

Исходя из приведенных данных, при допросе очевидцев, сообщающих номера скрывшейся автомашины, необходимо помнить, что цифры 8, 2, 6 и 9 весьма часто воспринимаются со значительными ошибками. Наиболее часто называются при цифре 8 — цифра 5 и 6, при цифре 2—4 и 7, при цифре 6 — цифра 4 и при цифре 9 — цифры 2 и 7. Поэтому в тех случаях, когда в номерном знаке скрывшейся автомашины называются указанные цифры, необходимо подробно выяснить те обстоятельства, при которых очевидец наблюдал номер, — расстояние до машины, местоположение (спереди или сзади), время суток и освещение, направление движения.

Исходя из средних расчетных данных, положенных в основу разработки размеров номерного знака, он должен читаться днем и ночью с расстояния 20 м. Если из показаний очевидца видно, что он находился на расстоянии более 20 м от машины, правомерно допустить, что в каких-то цифрах и буквах он может ошибиться. Поэтому при организации розыска машины нельзя принимать во внимание только номер, указанный очевидцем, а нужно составить два-три номера с вариантами возможных ошибок и в ориентировке о розыске давать и эти номера.

22 ноября 1968 г. на одной из улиц Москвы автомашиной марки «Москвич», скрывшейся с места происшествия, была сбита К. Два очевидца происшествия указывали различные серии скрывшейся автомашины — «МОЭ» и «МОЗ». Номера машины они не запомнили. При проверке по картотеке работники ГАИ—ОДН проводили выборку с учетом возможных ошибок в последней букве серии — «В» и «Э», «Е», «З», что и привело к успеху — серия автомашины оказалась «МОЭ».

В тех случаях, когда показания очевидца о расстоянии, с которого он наблюдал машину и ее номер, значительно превосходят средние данные о возможности прочтения цифр или букв номерного знака, необходимо провести следственный эксперимент.

---

[1] Б. Ф. Ломов, Человек и техника, М., 1966, стр. 289—293.

При предварительной оценке показаний очевидца о воспринятых им цифрах и буквах и решении вопроса о необходимости проведения следственного эксперимента следователь или судья могут прибегнуть к элементарному расчету по формуле: $l = \frac{h}{2,5}$, где l — оптимальное для опознания расстояние от наблюдателя до знака в метрах, h — высота знака в миллиметрах, а 2,5 — постоянный коэффициент[1].

Принятые у нас размеры цифр и букв в номерном знаке обеспечивают правильное прочтение цифр в знаке с расстояния до 32 м, а букв — до 16—18 м.

По этой же формуле могут быть произведены расчеты оптимальных условий восприятия и бортовых номерных знаков грузовых транспортных средств и номеров средств коммунального транспорта.

При организации и проведении следственного эксперимента следует учитывать не только расстояние, с которого проводилось наблюдение, но и направление движения транспорта, угол, под которым наблюдал машину очевидец, скорость движения машины, ее вибрацию и освещение. Во время эксперимента целесообразно проверять возможность считывания (узнавание) номерного знака как во время движения транспорта, так и в статичном положении. Предъявлять номер следует сначала с максимально далекого расстояния, постепенно уменьшая его до положения, когда номер свободно и безошибочно читается. Для проведения эксперимента целесообразно иметь несколько номерных знаков и менять их при каждом новом положении или повторении опытного действия. Это необходимо делать потому, что номера, уже знакомые очевидцу, он будет прочитывать и при размытых и нечетких контурах цифр и букв.

При восприятии и прочтения номера автомашины, которая находилась в движении, надо выяснить у очевидца, что привлекло его внимание, в какой момент он начал наблюдать машину и, что очень важно, запомнил он номер машины случайно или специально ставил се-

---

[1] Формула приводится по книге У. Вудсона, Д. Коновера «Справочник по инженерной психологии для инженеров и художников-конструкторов», стр. 114.

бе задачу рассмотреть и запомнить его. Это последнее обстоятельство существенно влияет на правильность запоминания и длительность сохранения номера в памяти.

В некоторых случаях очевидец, сообщивший номер скрывшейся автомашины, мог видеть его из транспортного средства — автомашины, автобуса, троллейбуса, трамвая и т. д. При допросе такого очевидца и при проведении следственного эксперимента необходимо учитывать направление движения транспорта, из которого велось наблюдение скрывшейся автомашины. Очевидец мог ехать следом за ней, в противоположную сторону, под углом (на перекрестках) и т. д. Все эти обстоятельства должны быть выяснены при допросе и учтены как при проведении следственного эксперимента, так и при оценке показаний очевидца.

Исследованиями ученых было установлено, что при чтении слов и цифр глаз человека совершает сканирующие (считывающие) скачкообразные движения от начала слова или числа к его концу, как бы описывая дугу. В соответствии с такими микродвижениями глаза, как установил Вагнер[1], кривая ошибок для букв, входящих в состав восьмибуквенных слов, имеет дугообразную форму. Вудвортс[2] высказывал предположение о том, что более точное воспроизведение периферических букв связано с процессом зрительной маскировки: крайние буквы, как бы изолированные, имеют преимущество перед более замаскированными центральными буквами. Та же закономерность выявлена и при прочтении четырех-, шести- и восьмизначных цифр[3].

Приведенные сведения необходимо иметь в виду при оценке показаний очевидцев, сообщающих номера автомашин. В сложных условиях восприятия, при дефиците времени, ошибки в узнавании цифр и букв, рас-

---

[1] «Инженерная психология за рубежом», М., 1966, стр. 95 и след.

[2] Вудвортс, Экспериментальная психология, М.—Л., 1963, стр. 432—433.

[3] Эти положения весьма убедительно подтверждаются и нашей практикой — ошибки, допущенные при написании слов (при печатании на машинке), легко замечаются в начале и в конце слов и значительно хуже, когда они допущены в середине слова.

положенных внутри ряда, выше, чем для цифр и букв, расположенных по краям.

Весьма часты ошибки не только при узнавании номеров и серий машин, но и при запоминании их. Запоминаемость цифр зависит от их сочетаний. Еще в 1901 году Роншбург установил, что число с повторяющимися цифрами запоминается труднее и с большим количеством ошибок. 23 мая 1969 г. на одной из улиц Москвы грузовой автомашиной был сбит мотоциклист. Автомашина с места происшествия скрылась. Единственный очевидец происшествия указывал номер автомашины 37—47 МОШ. В действительности ее номер оказался 37—74.

А. А. Толмачев обращает внимание на то, что сочетание цифр и короткого слова воспринимается и запоминается лучше, чем просто цифры[1]. К такому же выводу приходит и американский психолог Поль М. Фитс[2].

Исходя из указанной закономерности, можно сделать вывод, что сочетание букв в серии номерного знака машины воспринимается и запоминается лучше в тех случаях, когда они образуют какие-то слова: ЛЕВ, ЛЕС, МОР, ДОМ, ТИР, ЛОБ и т. д. При оценке показаний очевидцев о номерных знаках скрывшейся автомашины необходимо помнить о профессиональных особенностях этих очевидцев. Общеизвестно, что работники ГАИ—ОДН значительно лучше распознают номерные знаки при более плохом освещении и на большем расстоянии. Это объясняется, с одной стороны, практикой и, с другой — направленностью и избирательностью внимания.

Все это делает их показания более надежными по сравнению с показаниями других очевидцев. Однако и люди других профессий могут вполне правильно воспринимать номера машин при затрудненных условиях. К ним следует отнести шоферов-профессионалов и в некоторых случаях и шоферов-любителей, диспетчеров городского коммунального транспорта и ряд других.

---

[1] А. А. Толмачев, Психотехника на автодорожном транспорте, М., 1935, стр. 114.

[2] Вудвортс, Экспериментальная психология, стр. 956—958.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеев Анатолий Михайлович
«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОКАЗАНИЙ ОЧЕВИДЦЕВ»

Редактор *Е. М. Бирюков*
Обложка художника *Н. И. Лобовой*
Художественный редактор *Э. П. Стулина*
Технический редактор *Н. Л. Федорова*
Корректор *В. А. Зимина*

Сдано в набор 8/VIII 1972 г. Подписано в печать 16/X 1972 г. Бумага типографская № 3, формат 84×108 1/32. Объем: усл. печ. л. 5,46; учет.-изд. л. 5,47. Тираж 12 000 экз. А-06368.

Издательство «Юридическая литература», Москва, К-64, ул. Чкалова, 38—40.

Заказ 4966.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, Типографская, 6.

Цена 33 коп.

33 коп.